

Б. Э. ПЭРИС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ»

ПСИХО
ТЕРАПЕВТ

Бернадетт Пэрис
Психотерапевт

Издательство «Синдбад»

2021

Пэрис Б. Э.

Психотерапевт / Б. Э. Пэрис — Издательство «Синдбад», 2021

ISBN 978-5-00131-552-0

Пережив в прошлом трагедию, Элис уже не надеется обрести счастье. Но, встретив Лео, понимает, что жизнь не кончена, что судьба, похоже, улыбнулась ей, и вскоре они, полные надежды на новую, счастливую жизнь, переезжают в элитный жилой комплекс в Лондоне. Поближе познакомившись с соседями, Элис узнает о своем новом доме нечто ужасное. Остаться в нем для нее теперь невозможно, но и уехать, не разгадав тайну Нины, психотерапевта, которая здесь жила и здесь же погибла, она не в силах. Элис чувствует странную связь с Ниной, и одержима желанием узнать, что же произошло. Но те, кто мог бы ей помочь, упорно хранят молчание. За идеальными фасадами – сплошь тайны и ложь. А цена правды может оказаться непомерно высокой.

ISBN 978-5-00131-552-0

© Пэрис Б. Э., 2021

© Издательство «Синдбад», 2021

Содержание

Прошлое	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	42
Прошлое	45
Глава 12	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Б. Э. Пэрис

Психотерапевт

*Посвящается Марго,
благодаря которой книга стала намного лучше*

B. A. Paris
THE THERAPIST

Copyright © Paris 2021

By arrangement with *Darley Anderson Literary, TV & Film Agency* and *The Van Lear Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2023

Прошлое

Кабинет у меня маленький, минималистичный, само совершенство. Дизайн – в успокаивающих серых тонах. Одно серое кресло-кокон – для клиентов, другое, бледной кожи, – для меня. Справа от моего кресла – столик, за которым я пишу в блокноте, на стене – крючки для одежды, и на этом все. Комната для расслабляющих процедур находится за дверью слева. Стены там нежнейшие-розовые, окон нет, лишь две затейливые лампы бросают золотистый свет на массажный стол.

Сквозь жалюзи на окне кабинета мне видно всех, кто подходит к дверям. Я жду новую клиентку: надеюсь, она придет вовремя. Если опоздает – что ж, возьму ее на карандаш.

Она опаздывает на две минуты, это простительно. Взлетает по ступенькам, жмет на звонок, тревожно оглядываясь по сторонам и втянув голову в плечи, – опасается, как бы кто ее не узнал. И зря: никаких табличек, рекламирующих мои услуги, снаружи нет.

Я впускаю ее, предлагаю расположиться поудобнее. Она садится в кресло, ставит у ног сумку. Темно-синяя юбка и белая блузка, волосы собраны в аккуратный хвост, словно у нас собеседование по поводу работы. Ну, что-то вроде собеседования ей пройти придется. Я кого попало не беру. Нужно соответствовать.

Спрашиваю, не холодно ли ей. Люблю, когда окно открыто, – но весна все никак не перейдет в лето, поэтому сегодня пришлось включить отопление. Смотрю в окно, пока она уstraивается, и наблюдаю за расчерчивающим небо самолетом. Слышится вежливое покашливание; пора приступать.

Я поворачиваюсь к клиентке и, следуя всем канонам профессии, задаю стандартные вопросы. Первая встреча – в некотором роде всегда самая скучная.

– Это же неправильно, – произносит она.

Я пока лишь на середине опросника. Поднимаю глаза от блокнота, в котором делаю пометки.

– Хочу, чтобы вы знали и помнили, что все сказанное здесь – конфиденциально, – сообщаю я.

Она кивает:

– Я просто ощущаю какую-то невообразимую вину. С чего мне вообще чувствовать себя несчастной? Ведь у меня все есть.

Я отмечаю в блокноте слова «счастье» и «вина» и, подавшись вперед, смотрю ей прямо в глаза:

– Знаете, что на этот счет думал Генри Дэвид Торо? «Счастье подобно бабочке: пока за ним гонишься, оно ни за что не дается в руки. Но стоит отвлечься на что-то иное, как оно тут же вернется и само опустится тебе на плечо».

Она улыбнулась, расслабилась. Мои ожидания оправдались: ей понравилось.

Глава 1

Возбужденные голоса оторвали меня от распаковки коробки с книгами. Весь день было так тихо – трудно поверить, что я и вправду в Лондоне. Там, в Харлстоне, в окна долетали бы знакомые звуки: щебет птиц, рокот машины или трактора да изредка цоканье конских копыт. А тут, внутри нашего «Круга», – полная тишина. Это оказалось неожиданно – и, пожалуй, хорошо.

Я смотрю на дорогу из кабинета Лео наверху. Женщина, белокурая, со стрижкой пикси, в шортах и майке, обнимает другую, высокую, стройную, с медно-рыжими волосами. Ту, что пониже, я знаю, это наша соседка: я вчера поздно вечером видела, как она вдвоем с мужчиной вытаскивала из машины чемоданы перед домом номер пять. Вторую я раньше не встречала, но по виду она тоже здешняя: идеально сидящие темно-синие джинсы, облегающая белоснежная футболка, прокачанная фигура. Надо бы отодвинуться от окна, потому что если они посмотрят вверх, то заметят меня. Но мне так одиноко, что я не двигаюсь с места.

– Я собиралась заглянуть после пробежки, честное слово! – говорит первая.

Вторая недоверчиво качает головой, но в ее голосе слышится улыбка:

– Не очень-то хорошо с твоей стороны, Ева, я тебя вчера ждала.

Ева – вот, значит, как ее зовут – смеется:

– Когда мы приехали, было уже десять вечера, поздновато, чтобы тебя беспокоить. Ты когда вернулась?

– В субботу, чтобы сегодня отправить детей в школу.

Внезапный порыв ветра зашуршал листьями платанов в сквере напротив дома и заглушил окончание фразы. Здесь очень красиво, прямо как в каком-нибудь сериале, смакующем престижную столичную жизнь. Даже не верилось, что подобные места существуют, пока Лео не показал мне фотографии; да и после все это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Я перевожу взгляд на фургон интернет-магазина, показавшийся в черных воротах нашего жилого комплекса, смотрю, как он медленно выворачивает на левую дугу подъездной дорожки. Лео наполняет наш новый дом вещами, которые, по-моему, нам не нужны, так что это, должно быть, к нам. Вчера приехала большая красивая, но бесполезная хрустальная ваза, и он целую вечность ходил с ней туда-сюда по гостиной, пока не пристроил у выходящих на террасу стеклянных дверей. Однако машина проезжает мимо и останавливается у следующего дома. Я придвигаюсь поближе к окну, чтобы посмотреть на соседей из дома семь. Поразительно – на подъездной дорожке появляется пожилой мужчина. Никогда бы не подумала, что здесь есть пожилые. Не знаю почему; вероятно, потому, что «Круг» – современный комплекс в центре Лондона.

Несколько секунд спустя машина отъезжает, и я снова перевожу взгляд на женщин. Будь я поуверенней в себе, пошла бы и представилась. А так я, с тех пор как мы сюда переехали десять дней назад, успела познакомиться с единственным человеком – с Мэри из дома девять. Она усаживала трех маленьких мальчиков с такими же, как у нее, густыми темными волосами и двух прекрасных золотистых лабрадоров в красный минивэн. Сказала мне «привет» через плечо, и мы перебросились парой слов. Мэри мне и объяснила, что почти все еще в отпуске и вернутся в конце месяца, к началу учебного года.

– Ты с ними уже виделась? – доносится до меня голос Евы; я вижу, как она кивает в сторону нашего дома, и догадываюсь, что речь о нас с Лео.

– Нет.

– Может, сходим сейчас?

– Нет! – Резкий тон другой женщины заставляет меня отступить от окна. – Больно надо мне с ними видаться.

– Не глупи, Тамсин, – примирительно говорит Ева. – Ты же не сможешь их игнорировать. Здесь это не получится.

Не дожидаясь ответа Тамсин, я с колотящимся сердцем скрылась в глубине дома. Вот бы Лео был здесь. Но он с утра уехал в Бирмингем и вернется лишь в четверг. Мне стыдно, потому что какая-то часть меня испытала облегчение, глядя, как он уезжает. Последние две недели были несколько напряженными – очевидно, из-за того, что мы пока не привыкли быть вместе. С момента нашего знакомства полтора года назад мы встречались только по выходным. Лишь в наше первое утро здесь, когда Лео отпил апельсиновый сок прямо из пакета и поставил его обратно в холодильник, я поняла, что не знаю его привычек и причуд. Знаю, что ему нравится хорошее шампанское, что он спит на левой стороне кровати, любит прижиматься подбородком к моей макушке и так много ездит по Великобритании, что уже возненавидел путешествия и даже не сделал себе паспорт. Но мне еще столько предстоит в нем открыть; и теперь, сидя на верху лестницы в нашем новом доме и ощущая босыми ступнями мягкий серый ковер, я чувствую, как уже скучаю по нему.

Разумеется, подслушивать чужой разговор не стоило, но слова Тамсин все равно задевали. Вдруг мы тут никогда ни с кем не подружимся? Именно этого я и испугалась, когда Лео в первый раз предложил мне переехать к нему в Лондон. Все будет хорошо, уверял он, но, когда я предложила устроить новоселье и пригласить соседей, энтузиазма не проявил.

– Давай сначала познакомимся со всеми, а потом уже будем приглашать, – сказал он.

А что, если не познакомимся? Что, если нам самим нужно сделать первый шаг?

Достав из кармана телефон, я открываю вотсап. Мэри при нашей первой встрече предложила добавить нас с Лео в общий чат жилого комплекса, и я дала ей наши номера. Мы еще ничего там не написали, а Лео даже собрался оттуда выйти, поскольку в группу сразу посыпались сообщения о бесхозных посылках и о ремонте небольшой игровой площадки во дворе.

– Лео, так нельзя! – воскликнула я, ужаснувшись от мысли, что соседи сочтут его грубияном. И он согласился просто отключить звук уведомлений.

Я смотрю на экран. Сегодня в группе уже двенадцать новых сообщений, и я, прочитав их, ощущаю еще больший мандраж. Все поздравляют друг друга с возвращением из отпуска и говорят, как им хочется поскорей увидеться, поболтать, снова пойти на йогу, покататься на велике, поиграть в теннис.

Подумав с минуту, я пишу: «Всем привет, мы ваши новые соседи из дома 6. Рады пригласить вас к себе на коктейли в субботу, в 19:00. Сообщите, пожалуйста, кто придет. Элис и Лео».

И, чтобы не передумать, тотчас отправляю.

Глава 2

– Вот ты где, – говорит Лео, входя на кухню со штабелями грязных стаканов в руках. Сгрузив их у раковины, откидывает волосы со лба. – Идешь во двор? А то весь разговор пропустишь. – Он приподнимает бровь. – Мне тут объяснили, что к приезду мусорной машины наши мусорные баки должны стоять у дороги, чтобы их было видно, а не за домом.

– Вау. – Я улыбаюсь. – Даже не знаю, что ответить. – Взяв пакет с чипсами, я высыпаю их в пиалу, успев подхватить два перелетевших через край. Нос улавливает запах трюфельного ароматизатора. – Я присоединюсь к вам, когда все придут, – заверяю я. – Кому-то же надо быть здесь и открывать гостям дверь.

Лео вопросительно поднимает бровь:

– С каким они вкусом?

– Попробуй.

Взяв ломтик, разгрызает, морщит нос.

– С трупным, – говорит он. – Со вкусом трупа.

Я хихикаю: понятно, о чем он. Вкус пикантный, землистый.

Лео снова откусывает, снова демонстративно морщится, и я радуюсь, что он наконец расслабился. Поначалу он совсем не обрадовался, узнав, что я взяла инициативу в свои руки и пригласила всех к нам. Я огорошила его этим в четверг вечером, когда он вернулся из трехдневной поездки в Бирмингем. Пекло продолжалось, он зажарился и вымотался.

– Я думал, мы договорились не торопиться, – ответил он, теребя воротник рубашки.

Я виновато потянулась за бутылкой вина, желая его успокоить.

– Да это так, просто выпить, – ответила я, понимая, что следует избегать слова «вечеринка».

– И кого ты пригласила?

Я протянула ему бутылку и принялась искать в ящике штопор.

– Тех, кто тут живет.

– Что, всех?

– Да. Но соседи из третьего дома не могут, а из девятого будет либо только Мэри, либо только Тим, так что максимум двадцать один человек.

– И когда это будет?

– В субботу.

– В эту субботу?

– Да.

Весь вечер он молчал, а вчера пошел к Уиллу, с которым живет Ева. Я наблюдала из окна, как они беседуют на пороге, и опасалась, что Лео скажет, будто это недоразумение и все отменяется. Однако по возвращении он объявил, что идет за пивом и шампанским, и я облегченно выдохнула.

– Как шампанское, пользуется успехом? – спрашиваю я. – Хватит наших запасов?

– С моей скоростью – не хватит!

Это голос Евы: взглянув через плечо Лео, я вижу ее в дверях с пустым стаканом в руках и розовым румянцем на щеках – под цвет розовых прядей в ее платиновом блонде.

– Оно потрясающее! Я теперь, наверное, на просекко и смотреть не смогу.

Я познакомилась с Евой на следующий день после того, как подслушала их с Тамсин разговор под окном, и тут же прониклась к ней симпатией. Она, в отличие от Тамсин, очевидно, хотела с нами познакомиться, к тому же была очень любезна и мила, понимая, что нелегко вот так взять и переехать в комплекс, где все друг друга знают. Они с Уиллом сами перебрались сюда лишь полтора года назад, так что для нее здесь все тоже еще не совсем привычно.

Лео поворачивается к Еве:

– Все уже пришли, Ева, как думаешь? Элис волнуется, что не услышит из сада звонок в дверь.

– Уилл только что пришел – тренировка затянулась. Думаю, все уже здесь, кроме Мэри и Тима, – отвечает она. – Но я не видела, чтобы они писали в ватсапе, что оба сидят с детьми. Я достаю из холодильника три бутылки шампанского, передаю одну Еве и две Лео.

– Да, Мэри говорила, что кто-то один из них придет, если получится.

Ева смеется:

– Да уж, у них трое мальчишек, так что вырваться трудно. Милые, но шумные.

– Еще Эдвард с Лорной не пришли, – говорю я. Это наш пожилой сосед и его жена. – Я заходила к ним представиться и убедиться, что они видели приглашение. Но они сказали, что не уверены, смогут ли.

– Не уверена, что они любят вечеринки. Честно, я думаю, что никто уже больше не придет. Но почему бы просто не отпереть дверь? – Ева прижимает к груди бутылку, словно опасаясь, что ее отберут. – Тогда, если Мэри или Тим все-таки появятся, они смогут войти сами.

Я растерялась. В Харлстоне я бы спокойно оставила дверь открытой, но город – дело другое. Лео, заметив мои сомнения, целует меня в макушку.

– Не волнуйся, – говорит он. – Мы же на закрытой территории. Никто без спроса тут не появится.

Я улыбаюсь ему. Он прав; пора мне отбросить предрассудки насчет Лондона. Я уже иду через холл, чтобы отпереть дверь, и тут в нее звонят.

– Вернусь через минуту! – кричу я Лео через плечо. – Только открою.

Я открываю дверь высокому симпатичному мужчине в стильных чиносах и красивом льняном пиджаке. Отступив назад, он смотрит на меня сверху вниз, слегка прикрыв веки глубоко посаженных серых глаз.

– Вы, наверное, Тим, – говорю я улыбаясь. – Я Элис. Проходите.

– Привет, Элис, рад познакомиться.

Он заходит в холл, наклонив голову, чтобы не задеть стеклянный абажур. На секунду повисает тишина.

– Вы раньше в этом доме бывали? – спрашиваю я, прервав молчание.

– Нет. Но я знаю, что вы тут кое-что переделали.

– Только наверху. Снесли стену и увеличили спальню.

– Звучит интригующе. Пытаюсь себе вообразить. – Он глядит на лестницу. – Спереди или сзади?

– Сзади. Могу показать, если хотите, – прибавляю я с улыбкой: мне в этот вечер не впервой таскаться наверх. Изначально все двенадцать домов комплекса были совершенно одинаковыми, но потом некоторые переделали. Людям интересно, как мы использовали такое же пространство.

– Отлично, с удовольствием посмотрю, – отвечает он, поднимаясь за мной по лестнице.

– Значит, Мэри вытянула короткую спичку, – говорю я, остановившись на площадке.

– То есть?

– Ей пришлось остаться дома и смотреть за детьми. Она говорила, бебиситтера найти не получилось.

Тим кивает:

– Да, не вышло. Начало учебного года – думаю, молодежь сейчас предпочитает зависать с друзьями.

Я открываю единственную дверь по правую руку от себя. Мы заходим, и сквозь открытые окна доносится болтовня и смех из сада.

– Потрясающе, – произносит Тим, оглядываясь по сторонам. – Я такой огромной спальни еще не видел.

– Это Лео придумал, – отвечаю я. – Три спальни нам было ни к чему, вот мы и объединили две в одну.

– Надеюсь, Мария ничего такого не придумает.

– Мария? – Я слышу заразительный смех Евы, и мне вдруг отчаянно хочется выбраться отсюда и быть там, среди них. – Прошу прощения, я думала, вашу жену зовут Мэри.

Тим улыбается.

– Да, но я зову ее Мария. Начал в шутку, потому что она ходила в католическую школу, и вот – прилипло. – Он глядит на шкаф, занимающий полстены напротив окна, очень глубокий, с красивыми решетчатыми дверцами. – Не знал, что бывают такие огромные шкафы.

Я смеюсь; Тим выходит из комнаты, и я спускаюсь вслед за ним.

– Спасибо, – серьезно произносит он внизу, в холле. – За экскурсию.

Я машу в сторону сада:

– Все на улице, так что берите стакан и наливайте себе что нравится. Я только дверь пойду закрою.

С минуту я стою у входной двери, вдыхая свежий воздух. Потом, проходя мимо кухни, замечаю у раковины Тима: он наливает в стакан воду из крана. Собираюсь сказать ему, что на улице в мини-холодильнике есть холодная бутилированная вода, но, увидев, как Лео машет мне снаружи, начинаю пробираться к нему. Он стоит рядом с Уиллом, который, театрально жестикулируя, что-то ему объясняет. Уилл – актер, восходящая звезда, с густыми темными волосами, римским носом и четко очерченным ртом, явно будущий любимец публики. С ним невозможно выйти из дома, жалуется Ева, – все узнают. Но я уверена, ей это льстит.

Я подхожу ближе, а к ним тем временем присоединяется Джефф из восьмого дома, разведенный, и – нет, не вспомню его имя, – еще мужчина с темно-рыжими волосами. Он пришел с Тамсин, и я немного настороже. Честно говоря, после подслушанного мной разговора я очень удивилась, когда она наконец отозвалась на мое приглашение в ватсапе и сообщила, что они с мужем – как его, Кэмерон? Коннор? – будут у нас в субботу. Может, это Ева ее уговорила.

Застенчиво разглаживая белый сарафан, оглядываю сад, проверяя, не скучает ли кто-то в одиночестве. Но все стоят группками; они знают друг друга уже сто лет и рады встретиться после каникул. Я оказалась чужой на собственной вечеринке.

– Элис, иди сюда!

Я вижу, как Ева, поднявшись на цыпочки, машет мне. Схватив со стола миску с чипсами, я иду к ним.

– Красивое платье.

Подняв глаза, я вижу перед собой мужчину с темно-рыжими волосами. Судя по четырем стаканам в его огромной руке, он собрался за добавкой.

– Спасибо, – улыбаюсь ему. – Прошу прощения, не запомнила ваше имя.

– Коннор. Я – лучшая половинка Тамсин. – В его голосе слышится шотландский акцент.

– А, я еще не знакома с ней лично, но при знакомстве учту.

Он со смехом удаляется.

Выпендривается, думаю я, глядя ему вслед. И тотчас одергиваю себя: он ведь просто пошутил.

Я направляюсь к компании, в которой стоит Ева; готова поклясться, что глаза Тамсин при виде меня слегка сузились.

– А мы как раз говорили, какая вы молодец, что отважились сюда переехать, – произносит она и получает локтем от Евы. Крутые завитки кудрей вокруг лица, бледно-зеленые глаза – Тамсин просто неотразима.

– Уверена, что привыкну. – Я улыбнулась в ответ. – Особенно с такими приятными соседями, как вы, – прибавляю я в стремлении перетянуть ее на свою сторону.

Тамсин нахмурилась. Я чувствую, что не нравлюсь ей. Сердце обрывается в груди. Может, Тамсин ревностно охраняет круг своих друзей, и моя реплика прозвучала слишком самонадеянно – я, мол, воображаю, что могу в него вступить?

– Выпейте что-нибудь, – говорит хорошенькая брюнетка, Кара. Помню, что она пришла с Полом, но не помню, из какого они дома. Из второго, кажется? Она запускает пальцы в миску с чипсами, которую я держу. – Чипсы безумно вкусные. Где вы их нашли?

– В магазине на Дин-стрит, – опережает меня Тамсин и сухо улыбается: – Я их там раньше брала.

Остаток вечера протекает стремительно. К моменту ухода последних гостей я чувствую себя увереннее, чем ожидала.

– Все такие дружелюбные, – говорю я Лео, когда мы с ним загружаем стаканы в посудомойку. – Надо начинать приглашать народ на ужин небольшими группами, чтобы можно было нормально поговорить.

Лео приподнимает бровь:

– Давай сперва подумаем, с кого начать.

– А я уже знаю с кого, – поддразниваю я. – Помнишь Кару и Пола из второго дома? Они реально классные.

Лео выпрямляется.

– Не сомневаюсь. Но не делай поспешных выводов о людях, Элис. И следи, что ты рассказываешь о себе. Не хочу, чтобы вышло как в Харлстоне.

Я смотрю на него в изумлении:

– Но почему?

Чтобы смягчить резкость своих слов, Лео прижимает меня к себе.

– Потому что я не хочу, чтобы все знали о наших делах. Нам и вдвоем хорошо, Элис. – Он целует меня в губы. – Нам никто больше не нужен.

Глава 3

Воскресным утром, допоздна провалявшись в постели, мы спустились в сад и лежим рядышком в деревянных шезлонгах под оранжевым зонтом, который Лео нашел в гараже. Воздух – густой от пьянящего аромата жасмина; книга, которую я читаю, лежит у меня на груди. Я лениво поворачиваю голову к Лео. Он проверяет сообщения в телефоне и, почувствовав мой взгляд, переводит глаза на меня.

– Пол пригласил меня поиграть в теннис в следующие выходные, – говорит он. – А Коннор написал и напомнил о встрече общества жителей комплекса в четверг. – Он, положив телефон на траву, касается моей руки. – К счастью, я вряд ли успею вовремя вернуться из Бирмингема.

– Я в любом случае могу пойти, – бормочу я, прикрыв глаза и ощущая его руку.

– Я думаю, это больше для мужчин.

Мои глаза распахнулись сами собой.

– Ого, я и не знала, что, переехав сюда, мы вернулись в пятидесятые.

Лео, усмехнувшись, перекачивается на бок. Голубая футболка задралась, обнажив полоску кожи над шортами.

– Я не виноват. Судя по тому, что сказал Коннор, потом все идут к нему на виски. Он занимается продажей виски и, очевидно, обладает потрясающей коллекцией.

– А женщины, конечно, виски не пьют, – сухо говорю я. Потом тянусь к нему поцеловать: я счастлива, что он такой расслабленный. – Когда уже эта твоя работа в Бирмингеме кончится?

– Через несколько недель, надеюсь, – улыбается он. – Скорей бы уже можно было возвращаться к тебе каждый вечер. С тех пор как ты впечаталась задом мне в капот на светофоре, я только об этом и мечтаю.

Я не могу удержаться от смеха:

– Зачетная попытка. Мы оба в курсе, что это ты в меня впечатался.

– Я не впечатывался! – возмущается он и тоже смеется. – Я тебя только тюкнул, и то совсем чуть-чуть!

Так оно и было, тогда я даже не стала выходить из машины и проверять, тем более что стоял сырой и промозглый январский день. Но Лео подошел к моей машине, постучал в стекло и, стоя под дождем, жестами попросил открыть окно.

– Примите мои глубочайшие извинения, – произнес он.

Капли дождя катились по его лицу. Светофор зажегся зеленым, машины вокруг тронулись; он наклонился, и я увидела зелено-карие глаза, которые умудрялись смотреть одновременно и виновато, и восхищенно.

– Ничего страшного, – заверила его я. – Правда, я почти ничего не почувствовала.

– Ну как же? – отозвался он. – Я наверняка что-то повредил, хоть немножко.

– Все в порядке, честно. – Мне нравилось, что его мокрые от дождя волосы прилипли ко лбу, нравилась едва заметная щетина на подбородке; и мне захотелось, чтобы он действительно что-то повредил и у меня был бы повод продолжить разговор. Возможно, стоит все-таки проверить. Я отстегнула ремень безопасности. – Если вам так будет спокойней, давайте посмотрим?

Я обошла машину, подняв от дождя воротник пальто, и наклонилась, разглядывая бампер и микроскопические царапины, которые, вполне возможно, и так уже там были, потому что несколько недель назад я въехала задом в прицеп-коневозку моей подруги Дебби.

– Внутри могло что-то повредиться. Могу я дать вам свои контакты на случай, если у вас по дороге отвалится бампер?

Я улыбнулась:

– Ну, если вы настаиваете.

– Настаиваю. – Он достал из бумажника визитку и протянул мне. – И могу я также настоять на том, чтобы и вы дали мне свою визитку – на случай, если ваш бампер отвалится, а вы из деликатности мне не скажете?

Лео Кертис, прочитала я на карточке. Риск-менеджер.

– У меня нет визитки. Могу дать свой номер телефона, – ответила я.

В тот же вечер он мне позвонил:

– Хотел убедиться, что не было какого-нибудь отложенного эффекта.

– Я в порядке, машина тоже в порядке, – заверила я.

– Тогда мы могли бы отпраздновать это вместе, – предложил он, и я прыснула со смеху. –

Могу я пригласить вас на ужин?

– Думаю, это не совсем удобно, – ответила я с сожалением.

Повисла неловкая пауза.

– Простите, я должен был догадаться...

– Нет-нет, я не то имела в виду, – торопливо прервала я. – Просто по вашей визитке я предположила, что вы живете в Лондоне. А я – в Восточном Сассексе. Встретиться за ужином не так просто.

– Не переживайте. Машина есть, можно доехать. Скажите, есть где-нибудь неподалеку от вашего дома хороший ресторан, куда я мог бы пригласить вас в качестве извинения за то, что врзался в вашу жизнь?

– Представьте себе, есть.

Вот так все и началось.

Лео кивает на мой мобильник:

– Кто-нибудь тебе написал? Или я их фаворит? – подкалывает он.

Я слегка раздражаюсь, но лишь из-за того, что Тамсин была так неприветлива.

– Только Кара. Поблагодарила за вечер. Очень мило с ее стороны – она ведь и так уже написала в ватсапной группе, как и все остальные. Они тут все прямо очень вежливые. Видел, сколько открыток «С новосельем» нам надарили? Я их в гостиной расставила, на каминной полке.

– Видел. Думаю, они там теперь надолго, – прибавляет он с улыбкой, намекая на то, как я по сто лет не убираю открытки к Рождеству или дню рождения.

– Наверное, это странно, но люди обычно так заботливо выбирают эти открытки, что я не могу просто взять и выкинуть их в ведро.

Потянувшись, встаю.

– Куда ты? – спрашивает он, лениво протягивая ко мне руку.

– Сделаю салат к стейкам.

Лео удовлетворенно вздыхает:

– Звучит соблазнительно.

Я проснулась от какого-то резкого движения. Лео сидит в постели.

– Кто здесь? – громко кричит он в ночной тишине.

Уже поздно, во мраке нашей спальни сгустились тени.

– Что такое? – шепчу я.

Кажется, что я спала минут десять. Который вообще час? Я тяну Лео обратно на постель, но он нетерпеливо сбрасывает мою руку.

– Тут кто-то был, – говорит он резко, тревожно.

– Что? – Сердце выскакивает из груди. Я сажусь, уже полностью проснувшись от всплеска адреналина. – Где?

– Здесь, в спальне. – Он нашаривает выключатель ночника, и белый искусственный свет тут же ослепляет меня. Я зажмуриваюсь, потом поспешно оглядываю комнату. Никого, только встроенные шкафы с решетчатыми дверями и кресло в углу с ворохом одежды.

– Ты уверен? – с сомнением спрашиваю я.

– Да!

Я, приподнявшись на локте, пытаюсь проникнуть взглядом сквозь приоткрытую дверь ванной, а мысль уже рисует картины: кто-то спрятался в душе, занеся длинный нож над головой. Лео, к моему ужасу, отбрасывает одеяло и спускает ноги с кровати.

– Куда ты?

Он стоит голый, весь напрягшись.

– Включу свет в холле.

Просунув руку сквозь приоткрытую дверь спальни, он нажимает выключатель на стене. Я прислушиваюсь в ожидании поспешных удаляющихся шагов кого-то, потревоженного светом, заливающего теперь всю площадку и лестницу.

Ничего.

– Позвонить в полицию? – спрашиваю я, хватая телефон с зарядки.

– Подожди. Надо убедиться, прежде чем что-то предпринимать. Я пойду проверю ту спальню.

Я выскакиваю из кровати, набрасываю халат и встаю у Лео за спиной. Под его защитой я чувствую себя менее уязвимой, но сердце все равно бешено колотится.

– Я пойду с тобой.

– Нет. Оставайся тут и, если услышишь что-нибудь, звони в полицию.

– Подожди. – Я бегу в ванную, быстро проверяю, что там никого, и хватаю лак для волос. Снимаю крышку и даю баллон Лео. – Если кого-то увидишь, брызни ему лаком в глаза, чтобы ослепить.

В другой ситуации он бы посмеялся: абсолютно голый мужчина со спреем в качестве оружия. Но сейчас он берет баллон и, продвигаясь по площадке, держит его наготове, положив палец на распылитель. Я смотрю, как он проверяет гостевую спальню, потом кабинет. От страха у меня мурашки бегут по коже, и я готова в любой момент набрать 999.

– Никого! – кричит он. – Проверю внизу.

– Осторожней! – отвечаю я и после паузы спрашиваю: – Видишь что-нибудь?

Он не отвечает; я подхожу к перилам, смотрю вниз, в холл, и вижу, как Лео скрывается в гостиной. Через несколько минут он возвращается.

– Окна и двери заперты, никаких следов проникновения.

– А ты точно кого-то видел? – спрашиваю я, когда мы возвращаемся в спальню.

– Да... или нет... не знаю, – признается он. – Просто было чувство, что в комнате кто-то есть.

– Может, тебе приснилось.

Вид у Лео немного сконфуженный; он опускает баллончик с лаком.

– Может быть. Прости. Не хотел тебя пугать. Который, кстати, час?

Я смотрю в телефон.

– Три пятнадцать. Тебе надо поспать, вставать уже через три часа.

Мы залезаем обратно в постель, и он быстро засыпает. Я лежу без сна, радуясь, что Лео рядом, и вспоминая, сколько раз я в Харлстоне пугалась ночью от звуков, отдававшихся по всему коттеджу. Как хорошо, что Лео рядом, что больше я не должна справляться со всем одна. Та авария, когда Лео въехал в зад моей машины, – лучшее, что случилось со мной за долгие годы.

– Знаешь, это ты сама впервые хоть кем-то заинтересовалась, – ответила Дебби, когда я рассказала ей.

Она не ошиблась. К тридцати пяти годам я успела побывать в трех относительно долгих отношениях, однако все они развалились – не резко, а постепенно, невнятно, сама не знаю как. Я уже начала думать, что в принципе для них не создана. Конечно, меня огорчало, что я, возможно, так и не найду того, с кем могла бы провести остаток жизни, однако трагедии в этом я не видела. Но как только появился Лео, все изменилось.

Через полгода еженедельных встреч – Лео жил в своей квартире в Лондоне и приезжал в Харлстон только на выходные – мы оба уже хотели какого-то развития. Однажды вечером мы отправились ужинать, и, когда Лео заказал шампанское, я запаниковала от мысли, что он, возможно, хочет сделать предложение. Мы ни разу не заговаривали о женитьбе, и я не хотела все портить заявлением, что мне нужно время подумать. Пока официант сражался с пробкой, я подумала, что, наверное, стоит согласиться. Провести оставшуюся жизнь с Лео в Харлстоне неожиданно показалось отличной перспективой.

– Элис, я хочу тебя кое о чем спросить, – сказал Лео, когда бокалы были наполнены. – Я хочу видеть тебя каждый день, а не только по выходным. – Он сделал глубокий вдох: – Ты переедешь ко мне?

Переехать? В смысле в Лондон?

– Я уж подумала, ты меня замуж хочешь позвать, – пошутила я, скрывая смущение.

Он коснулся моей руки.

– Я люблю тебя, но я никогда не верил в брак. И уже не поверю, в моем-то возрасте. Ни одного счастливого женатика не встречал, и потом, это всего лишь бумажка. Мы из-за нее не станем сильнее любить друг друга.

– Я не то имела в виду, – ответила я, делая глоток шампанского. – Я счастлива и без этого. Но когда ты сказал переехать, ты имел в виду – в твою квартиру в Лондоне?

– Да.

Я не могла дать ему тот ответ, которого он, очевидно, ждал. Хоть мне и бывало временами одиноко в Харлстоне, все же это единственное знакомое мне место. Нигде больше я не жила. Здесь мои друзья. Здесь моя жизнь.

– Я могу подумать? – спросила я.

– Только не очень долго, – улыбнулся он. – Хочу, чтобы мы всегда были вместе, не только по выходным.

Мне удавалось избегать темы переезда в Лондон до тех пор, пока полгода назад у Лео не начались рабочие поездки в Мидлендс. Он не то чтобы поставил мне ультиматум, но спросил, не хочу ли я перебраться на север. Я поняла, что должна в чем-то уступить, если хочу быть с ним. А я хотела. Работать я могу из любого места, а он нет. Если что, в Харлстон из Лондона можно сравнительно быстро попасть с вокзала Кингс-Кросс. Вот только мне хотелось жить в зеленом районе, и мы договорились, что Лео продаст свою квартиру, я продам свой коттедж и мы найдем какое-нибудь жилье с садом, и чтобы рядом был парк. Так он сможет закончить свою работу в Мидлендсе – будет ездить туда с понедельника по четверг, а пятницу, субботу и воскресенье проводить в Лондоне со мной. Наш новый дом, моя новая жизнь.

Тут моя мысль перескакивает на реплику Лео, сказанную в субботу после вечеринки: что нам больше никто не нужен. Честно говоря, мне в голову не приходило, что он желает быть исключительно и только наедине со мной, круглые сутки, семь дней в неделю. Хотя он и правда человек очень замкнутый и мастер уходить от ответов на слишком личные вопросы. Когда я пытаюсь объяснить, что он интересен людям, Лео отвечает, что они бесперомонны.

– Кто это был? – спросила я его однажды в пятницу после обеда.

Я стояла у окна в своем коттедже в Харлстоне, ожидая его приезда из Лондона. Из-за жуткой погоды – шел снег, потом все заледенело – он выехал в полдень. Когда он вышел из машины, неизвестно откуда появилась какая-то женщина и заговорила с ним. Лео пытался от

нее отделаться, но она не отставала, и я отчетливо слышала, как он попросил оставить его в покое.

– Спрашивала, каково это – жить в деревне, – произнес он в ответ на мой вопрос невычно раздраженным тоном.

Наши отношения тогда только начинались, и я небрежно предположила, что это его бывшая. Однако Лео, как я вскоре обнаружила, ненавидит, когда вторгаются в его личное пространство. Потому у него и нет близких друзей – за исключением Марка, с которым он познакомился за два года до встречи со мной: тот выполнял для него какую-то работу. Я чувствую себя виноватой: я не согласна, что нам больше никто не нужен. Я люблю Лео, но мне и другие люди нужны – Дебби и остальные мои друзья из Харлстона. Они моя семья, и я без них уже скучаю. К счастью, тут, в Лондоне, у меня есть Джинни, жена Марка: она стала мне хорошей подругой и живет всего в нескольких милях, в Ислингтоне. И еще я надеюсь завести новых друзей тут, в нашем «Круге».

Я переворачиваю подушку, перетряхиваю, чтобы разровнять, потом смотрю на Лео, который натянул одеяло почти до макушки, и понимаю кое-что, чего до сих пор не понимала: я – это все, что у него есть. С родителями, которые, судя по его скупым рассказам, далеки от идеальных, отношения у него натянутые.

Он без конца что-то бормочет во сне, и меня вдруг охватывает порыв любви. Неудивительно, что ему хочется какой-то стабильности в жизни. Человека, на которого можно положиться.

Глава 4

– Увидимся во вторник, – говорит он на следующее утро, приподняв меня с кухонного стула и целуя. – Береги себя, хорошо? Смотри, запирай двери на ночь.

– Там никого не было, – напоминаю я и, прижавшись лицом к его рубашке, вдыхаю его запах. – Мы все проверили.

– Я знаю. Все равно береги себя, – отвечает он, прислонив на секунду подбородок к моей макушке.

Я притягиваю его к себе за галстук для последнего поцелуя.

– Люблю тебя.

В холле он подхватывает сумку и, махнув мне рукой, исчезает за дверью. Дверь захлопывается, и я слушаю его удаляющиеся по дорожке шаги, пока они не затихают. На мгновение воцаряется полная тишина, и тут мои мысли переключаются на того, кто здесь был ночью: на незнакомца, смотревшего, как мы спим. И только теперь, когда я стою, окутанная абсолютным безмолвием, меня вдруг словно ударяет.

Дом мне не нравится.

Я отдыхала в Венеции с Джинни, когда Лео позвонил и сказал, что присмотрел нам дом.

– Идеально, – сказал он, и в его голосе прозвучало облегчение, потому что к тому времени мы уже отвергли вариантов двадцать, не меньше. – Скажи Джинни, она была права насчет Бена. Он гений – нашел ровно то, что нам нужно. Идеальный дом.

Джинни оторвала глаза от журнала, и я подняла большой палец. Перед поездкой в Венецию она посоветовала Лео обратиться к Бену, агенту по недвижимости. Несколько месяцев назад он нашел им с Марком дом их мечты.

– В каком смысле идеальный? – спросила я у Лео, поскольку все выглядело слишком просто. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Я там пофотографировал, сейчас пошлю тебе.

– На вид довольно большой, – ответила я через пару минут.

И непомерно дорогой – но этого я вслух не сказала. Продолжала листать фотографии внушительного белого дома с лужайкой, выходящей на внутренний проезд. Земля и небо по сравнению с моим коттеджем в Харлестоне.

– Там четыре спальни, три наверху и одна внизу, и две ванны, – объяснял Лео.

– Четыре спальни! Лео, нам не нужны четыре спальни!

– Да, но можно что-то придумать – например, использовать нижнюю как второй кабинет.

Я взглянула на следующий снимок.

– Между домами есть забор?

– Только сзади. Посмотри остальные фотографии. Это огороженный комплекс из двенадцати домов, совершенно безопасный. А в центре симпатичный сквер.

Я пролистала еще несколько фотографий, показывая их Джинни, которая села рядом. Каждый дом стоял по левую сторону участка, а с правой был гараж и подъездная дорожка, отделявшая участок от соседнего. Сквер, окруженный черной оградой, выглядел очень живописно: цветники, скамейки, дорожки и небольшая детская площадка в уголке. Лучшее из всего, что мы видели до сих пор. Но безмерно далеко от того, что казалось мне привычным и комфортным.

– Не уверена, что хочу жить в закрытом комплексе. – Я тянула время.

– Это не простой комплекс, а довольно-таки элитный.

– А где это?

– Около Финсбери-парка.

Я оторопела. Мы ведь заранее исключили Финсбери: он нам не по карману.

– Разве в Финсбери не слишком дорого для нас?

– Фокус вот в чем. Дом очень давно пустует, и потому Бен думает, что я смогу взять его за ту же цену, что и моя квартира. А значит, тебе, Элис, не придется продавать коттедж в Харлстоне.

– Но я не против его продать, – возразила я. – Я ведь собиралась.

– Знаю. Но знаю и то, как много он для тебя значит. Я так и хотел. Найти дом, который смогу купить сам, чтобы ты свой не продавала. – Он помолчал. – Можешь сдать его, к примеру, на полгода; а потом, если поймешь, что в Лондоне тебе не нравится, у тебя будет твой коттедж в Харлстоне, в который ты сможешь вернуться.

– Звучит как-то угрожающе, – сказала я, покидая Джинни и удаляясь в спальню. Закрыв за собой дверь, я продолжила: – Что ты хочешь этим сказать, Лео? Что мы не продержимся больше полугодика?

– Нет, вовсе нет. Просто я знаю, как ты нервничаешь из-за переезда в Лондон; я подумал, тебе будет легче, когда ты знаешь: твой коттедж на месте и ждет тебя на случай, если ты со временем все тут возненавидишь. Это страховка. Чтобы мы могли перекроить наши планы при необходимости.

На глаза у меня навернулись слезы. Мысль о продаже коттеджа разрывала мне сердце, и я отчаянно пыталась скрыть свои чувства от Лео – очевидно, без особого успеха. Он прав: мне гораздо легче будет переехать в Лондон, если у меня останется мой коттедж.

– Почему ты так добр ко мне? – спросила я.

– Потому что люблю тебя. Ну что, я действую, предлагаю цену? Хочется сегодня все решить.

– Я тебе через час перезвоню, – пообещала я.

Потом не спеша снова пролистала фотографии. Джинни сказала, что дом ей нравится и что они с Марком живут недалеко.

– По крайней мере тебе не придется тащиться через весь Лондон, чтобы навестить меня, – сказала она, потянувшись за своей широкополой соломенной шляпой, и нахлобучила ее на голову. – Давай-ка пропустим бокал вина в честь того, что ты наконец переезжаешь в Лондон.

– Я еще не согласилась на этот дом, – возразила я.

Что-то не давало мне покоя. Если я не продам свой коттедж, то это будет дом Лео, а не наш с ним дом. А это важно? Я снова вспомнила, как он говорил о том, почему мы не будем жениться. Полюбим ли мы друг друга больше, совместно владея домом? Вряд ли; так что я перезвонила Лео и дала добро.

Неделю спустя я наконец увидела дом воочию. Когда Лео пришлось набрать код на панели, чтобы открыть черные кованые ворота на въезде в «Круг», я поняла, что он подразумевал под элитностью.

– Каждый дом подключен к камере на въезде, так что посторонние сюда не попадут, – объяснял он.

Первый дом, под номером один, стоял слева от ворот; последний, под номером двенадцать, – справа. Наш, шестой, был посередине – точно напротив въезда, через сквер.

– Что думаешь? – спросил Лео, когда мы вышли из машины.

Я осмотрела белые стены, покатую красную черепичную крышу, аккуратно подстриженную лужайку, бетонную подъездную дорожку и отвлекаясь от нее мощеную тропинку, которая вела к входной двери. Все в точности как на других участках.

– Прямо циферблат из домов, – сказала я, улыбаясь, чтобы скрыть неуверенность.

Внизу был просторный холл, слева от него – довольно большая столовая, которую я тут же мысленно отвела под библиотеку, а дальше, за двустворчатой дверью, – кухня-гостиная,

тянувшаяся вдоль всей задней стороны дома. По правую руку – просторная гостиная, за ней – спальня с ванной. Лестница справа от входа вела наверх, на широкую площадку с тремя спальнями, кабинетом и ванной.

– Я подумал, что из нижней спальни можно сделать второй кабинет, и тогда у каждого будет свой, – объяснял Лео.

– Хорошая идея. Если мой будет внизу, – ответила я, целуя его. – Мне нравится быть рядом с чайником.

– Нет проблем, тогда мой будет здесь. – Он открыл дверь на другой стороне площадки. – Это самая большая спальня.

– Прекрасно, – сказала я, оглядывая светлую и просторную комнату.

– Да, но зато в той, что рядом, есть своя ванная. Иди, посмотри.

Я пошла за ним; комната поменьше предыдущей, но все равно большая.

– Я подумал, мы можем объединить две спальни в одну, чтобы у нас была огромная спальня с ванной, – пояснил он. – И останется еще гостевая спальня для Дебби, когда она придет.

– Звучит отлично, – ответила я, придвигаясь к окну, чтобы взглянуть на сад. Было начало мая, на лужайке роскошно цвел раkitник. Еще там росла, кажется, вишня, а слева вдоль забора тянулись кусты малины. – Красиво, – произнесла я зачарованно. – Серьезно, очень мило.

Лео подошел сзади, обвил меня руками.

– Так и вижу, как мы сидим там летним вечером с бокалом вина, – промурлыкал он.

Шее стало горячо от его дыхания, и я инстинктивно наклонила голову.

– Я тоже.

Он повернул меня к себе, чтобы видеть мое лицо.

– Так, значит, тебе нравится? – спросил он, всматриваясь своими карими глазами в мои.

– Очень, – ответила я, мысленно скрестив пальцы, потому что это было вовсе не так. Но я научусь любить этот дом ради Лео; в конце концов я проникнусь им.

Однако я не прониклась.

Глава 5

Я сижу, скрестив ноги, на полу в кухне и размышляю о том, что секунду назад так решительно заявил мне внутренний голос. Что я не люблю этот дом. Это неправда; не совсем правда. Кое-что я здесь люблю – к примеру, свой кабинет внизу. Стены в нем нежнейше-розовые: никогда бы не подумала, что мне понравится такой цвет, однако он мне нравится. И ванная есть, потому что изначально это была спальня. Стол, принадлежавший некогда моему отцу, стоит у окна, в углу – кушетка из квартиры Лео. Кухню я тоже люблю: рабочая поверхность светлого мрамора, белая мебель от «Бульхауп». Вернее, смогу полюбить, когда перестану так нахваливать. Пока что она для меня чересчур лаконичная, напоминает больницу. Кругом прямые линии, все попрятано в умные шкафчики. В общем, я не то чтобы ненавижу этот дом; мне скорее не нравится его атмосфера.

А может, дело в том, что атмосферы здесь как раз и нет. Дом построили всего пять лет назад, а коттедж, где я родилась и выросла и откуда уехала лишь несколько недель назад, стоит уже лет двести. Как хорошо, что удалось его сохранить. По совету Лео я сдала его приятной паре из Манчестера, которая захотела пожить за городом.

Бросаю взгляд на раскиданные передо мной на полу фотографии. В основном на них Дебби и другие мои друзья из Харлстона, но есть и мы с Лео, в недельном отпуске в национальном парке Йоркшир-Дейлс. Я вытягиваю руку и достаю еще одну фотографию – портрет сестры. Поглядев на нее секунду, тянусь за следующей: родители и сестра в день ее выпускного. Подношу снимок к губам, прижимаю, закрыв глаза и вспоминая. Никак не поверю, что действительно собираюсь повесить эти два драгоценных фото на холодильник и невольно буду смотреть на них всякий раз, открывая или закрывая дверцу. И другие будут, и могут спросить о моей семье, и тогда мне придется объяснять. Вот почему я обычно держу их фотографии в спальне. Но этот переезд в Лондон для меня – начало новой жизни, причем в нескольких смыслах.

Встав на колени, я начинаю прикреплять фотографии к верхней дверце морозилки с помощью магнетиков. Когда свободное пространство в пределах досягаемости кончается, я поднимаюсь на ноги и продолжаю работу и в итоге завешиваю фотографиями всю дверцу. Отступаю назад, чтобы полюбоваться результатом, и в глаза бросаются два снимка сестры и родителей. Я оглядываю кухню; ее нужно еще как-то оживить. Иду в столовую за поваренными книгами, которые я расставила там на полках. Проходя мимо гостиной, бросаю туда взгляд сквозь дверь и улыбаюсь, увидев, что Лео положил все поздравительные открытки на камине лицом вниз – такая шутка после нашего вчерашнего разговора.

Вернувшись на кухню, я кладу стопку поваренных книг на рабочую поверхность. Позже срежу в саду цветов и поставлю их в красный кувшин с золотым носиком, который купила на распродаже.

Спohватившись, что все еще не одета, поднимаюсь наверх и на секунду замираю на пороге спальни, которая до сих пор поражает меня своими размерами. Теперь, когда мы распаковали последние коробки, да еще и Лео уехал, она кажется еще больше. Меня вдруг охватывает желание вырваться из дома, и я начинаю искать свой белый сарафан в стопке одежды, аккуратно сложенной на стуле. В прогнозе погоды сказали, что на неделе похолодает, так что сегодня у меня, наверное, последний шанс его надеть. Сарафана нет. Я знаю, что он не в стирке, потому что я не хотела класть туда вчерашнюю одежду; наверное, повесила в шкаф.

Я заглядываю в его обширное нутро и просматриваю одежду на вешалках. Сарафана по-прежнему не видно. Достаю голубые шорты и топ – и тут замечаю, что в аккуратных рядах моей обуви на полу шкафа воцарился хаос. Наклоняюсь навести порядок и раздумываю, не

зайти ли к Еве. Она профессиональный блогер, пишет в основном о косметических продуктах. И работает столько часов в день, сколько сочтет нужным.

– Идеальная работа, – призналась она, когда зашла поблагодарить за приглашение в ватсапе. – Спасибо сестре: она возглавляет «Бьютитек» и предложила мне вести блог. Я пишу о том, что мне нравится, тестирую замечательные продукты. У меня столько пробников, что полки ломаются, – напомним, кстати, чтобы я тебе дала что-нибудь. До конца жизни хватит. Здорово, что мы можем работать из дома, правда, Элис? Я иногда даже прямо в кровати работаю!

Могу лишь согласиться. Я – переводчик-фрилансер и хотя пишу обычно за столом, зато частенько читаю свои тексты как раз в постели, особенно зимой. Как и Ева, я люблю свою работу и не страдаю без рабочего коллектива и поездок в офис. Нравится мне и неравномерная загруженность. Сейчас как раз выдалась пауза – жду книгу от итальянского издательства, с которым работаю. Так здорово передохнуть пару недель, тем более что в последние месяцы перед переездом у меня был аврал. Но теперь пора снова браться за дело, пока меня не засосала надвигающаяся скука.

Проходя мимо кабинета Лео, я замечаю, что его офисное кресло повернуто боком. Захожу, кладу руку на спинку кресла и поворачиваю его к столу. Потом гляжу в окно и обнаруживаю, что отсюда виден каждый дом комплекса. Окна смотрят на меня, словно глаза, и я невольно вздрагиваю. Для чего дома поставлены в круг? Чтобы все друг друга видели?

Спустившись вниз, я беру ключи и обуваю кроссовки. Не буду беспокоить Еву – она, наверное, занята. Почему бы не прогуляться? До сих пор я успела осмотреть лишь окрестности нашего комплекса, и то вместе с Лео. А до Финсбери-парка пока не добралась.

Я перехожу дорогу у дома и иду к главному входу напрямик через сквер. Это добрых пять минут, если не спеша. Но мне нравится. Тут и скамейки, и игровая площадка – хорошо и для детей, и для тех, кто постарше. Всем подходит; замечательное место. Но все эти качели и горки явно требуют покраски – теперь понятно, к чему были эти сообщения в ватсапе про ремонт.

Лондона я совсем не знаю. На выходе из ворот комплекса на меня обрушивается какофония автомобильных гудков и сирен. Толпы на улицах, толчея – все это ново для меня, и я понимаю, что в Харлстоне я жила словно в коконе: там самые громкие звуки были от уборочных комбайнов на окрестных полях в середине лета. Однако есть в этом шуме что-то воодушевляющее: ощущение, что я – часть чего-то большего; и потому я ускоряю шаг, подстраиваясь под ритм лондонцев. Сверяясь с картой, добираюсь до Финсбери-парка и к концу пути уже как выжатый лимон.

В Харлстоне можно часами ходить по полям и никого не встретить. Парк я обхожу за час, но все равно приятно, что можно погулять где-то, не страшась, что тебя переедут. И потом, пора перестать сравнивать свою жизнь до переезда и после.

Возвращаюсь в «Круг». Набираю код на калитке, и в этот момент ворота открываются и въезжает минивэн Мэри. Она машет мне, я поворачиваю направо и, пройдя двенадцатый, одиннадцатый и десятый дом, останавливаюсь у девятого.

– Привет, Элис! – говорит она, вылезая из машины. – Как дела? Освоилась тут?

– Да, более или менее. Вот сходила прогулялась.

– Хорошая сегодня погода, да? У меня днем никаких встреч на работе не было, так что я решила уйти пораньше и забрать детей из школы.

Два мальчика выбираются из машины сами, Мэри подхватывает младшего, которому, наверное, года три, и захлопывает дверь.

– Давайте в дом, ребята. Попросите папу, чтобы налил вам сока.

– Жаль, что ты не пришла в субботу, – говорю я, пока мы вместе идем по дорожке.

– Мне тоже, – с сожалением отвечает она, улыбаясь. У нее очень нежное лицо, большие карие глаза и высокие скулы. – Все знакомые няньки нас бросили.

– Да, Тим говорил. Хорошо, что он смог прийти.

– Тим? – Ее лоб прорезает морщина. – Не думаю. Он был тут, со мной и мальчиками. Если только он пошел к вам, когда я уже спать легла.

– Наверное, потому что он точно у нас был.

Мэри озадаченно качает головой.

– Вот партизан. Ничего мне не сказал. – Она берет сумку с пола перед пассажирским сиденьем, подходит к дому и, заглядывая в холл, кричит: – Тим, а ты не говорил мне, что в субботу ходил к Элис и Лео!

– Подожди, – отзывается тот. – Я не слышу, что ты говоришь.

– Избирательный слух, – торжественно объявляет Мэри; Тим подходит и становится рядом с ней в дверном проеме.

– Прости, что ты сказала? – Он смотрит в мою сторону: – Привет. Вы наша новая соседка?

И я оказываюсь лицом к лицу с человеком, которого никогда не видела.

Глава 6

Мной овладело очень странное чувство. Ощущение, что сейчас случится нечто, что мне совсем не понравится.

– Так это вы – Тим? – озадаченно спрашиваю я.

Он смеется:

– До сих пор звали Тимом.

– Но вы не тот Тим, который приходил к нам в субботу. – Я поворачиваюсь к Мэри: – Тогда все понятно. Это был другой Тим.

– Я и подумала, что он бы не сбежал так, не сказав мне.

– Не сбежал куда? – спрашивает Тим.

– К Элис и Лео в субботу.

– Я не сбежал.

– Я знаю. Но там был кто-то, назвавшийся Тимом, и Элис решила, что это ты.

Я разглядываю Тима, отмечая различия. Он не такой высокий, не такой худой, и волосы не такие темные, как у того мужчины. И он не такой красавчик. А еще на нем полосатое регби-поло, в котором того, другого Тима, невозможно себе и представить.

– Тут у нас есть еще один Тим? – спрашиваю я. – У которого жену зовут Мэри?

– Я такого не знаю, – отвечает Мэри. – Если только еще кто-то новый въехал этим летом.

Вот это было бы да – еще пара с такими же именами, как у нас!

– Возможно, ее чаще называют Мария, чем Мэри. Может, тут есть Тим и Мария?

Тим качает головой:

– Вы уверены, что он представился как Тим?

– Да, – смеюсь я, скрывая смущение, поскольку до меня только-только дошло, что тот мужчина вовсе не представлялся Тимом. Это я сказала: «Вы, должно быть, Тим?» И впустила его, не дожидаясь ответа. А как насчет того, что он назвал свою жену Марией, а не Мэри? Из-за того что он меня не понял и решил что-то выдумать, чтобы скрыть свою оплошность?

– Сколько ему лет? – спрашивает Мэри.

– Трудно сказать... сорок с небольшим, наверное.

Я рассказываю им все, что помню о Тиме, но они не могут вспомнить никого подходящего под описание.

Из глубины дома доносится грохот.

– Я лучше к ребятам вернусь, – торопливо говорит Тим.

– Может, это чей-нибудь брат. А может, человек шел мимо ворот и проскользнул в них следом за кем-нибудь из наших, – говорит Мэри. – С тех пор как Уилл снялся в сериале, сюда уже пару раз прорывались фанаты.

– Он не был похож на фаната.

Спohватившись, что становлюсь навязчивой, я сворачиваю разговор. Но продолжаю думать о странном госте на вечеринке и по дороге к дому – а идти мне оставалось ярдов пятьдесят, мимо восьмого и седьмого номеров, – звоню Лео.

– Ты говорил с кем-нибудь по имени Тим в субботу вечером? – спрашиваю я после дежурного вопроса, как прошел его день.

– Вроде нет.

– Ты можешь постараться и вспомнить точно? Это важно.

– Я не помню никакого Тима, – отвечает он после паузы. – А что?

Я вижу, как Джефф идет через сквер с двумя пакетами, полными продуктов, и машу ему.

– Просто пришел человек, назвавшийся Тимом, и я подумала, что это муж Мэри из...

– Не может быть, – прерывает Лео. – Я видел его утром, когда уезжал, и он извинился, что не смог прийти.

– Знаю, я только что с ним говорила. – Остановившись на нашей дорожке, я роюсь в кармане в поисках ключей. – Дело в том, что тут, похоже, нет других Тимов. – Зажав телефон подбородком, чтобы открыть дверь, я начинаю пересказ разговора с незнакомцем.

– Подожди секунду, – произносит Лео, когда я замолкаю. – То есть он на самом деле не представился Тимом? Это ты сказала «вы, должно быть, Тим», и все? Он не подтвердил, что он Тим?

– Но и не опроверг, – защищаюсь я, зайдя в холл и скидывая кроссовки.

– И насчет его жены – ты назвала ее Мэри, а он Марией?

– Да.

– Как он выглядел?

– Высокий, темные волосы, серые глаза, отлично одет, – перечисляю я, шлепая в кухню босыми ногами, и деревянный пол приятно холодит ступни. – Тебе это о чем-то говорит?

– Нет. Может, стоит соседям поспрашивать? Он наверняка с кем-то общался на вечеринке. Долго он пробыл?

Я беру из холодильника пакет сока, на секунду выхватывая взглядом фото сестры и родителей на холодильнике.

– Я не знаю. Я предложила ему выпить что-нибудь, пока я закрою входную дверь. Потом заметила его в кухне, и все. А ты уверен, что не видел его в саду?

– Уверен. Надеюсь, он не ходил вверх. У меня в кабинете куча конфиденциальных документов.

Мне хочется соврать, но я не могу.

– Сам не ходил.

– То есть?

Я тянусь к шкафчику за стаканом. Наливаю сок.

– Ну, я просто показывала там все кое-кому из гостей.

– Что? Зачем?!

– Им было интересно, как мы сделали перепланировку.

– Господи, Элис, не могу поверить, что ты целой толпе незнакомых людей демонстрировала наш дом! – Его голос полон раздражения, и я так и вижу, как он, разочарованный моим простодушием, вцепляется рукой в волосы, словно желая их выдрать. – Откуда тебе знать, что он не пошел там все разнюхивать, когда ты оставила его одного?

– Он не пошел, – возражаю я.

– Ты говорила, что больше его не видела. Наверное, как раз пошел вверх шпионить.

– Не такой у него типаж. Он выглядел... не знаю...

– Нет никакого типажа! Ты проверила, все ли на месте?

– Нет...

– Думаю, стоит проверить, на месте ли твои украшения и кредитки.

Я начинаю впадать в панику.

– Конечно, все на месте, – говорю я, пытаюсь придать голосу уверенности, чтобы успокоить Лео. – Он, наверное, друг кого-то из наших соседей. Может, гостит у них или что-то в этом роде.

– Но он же не говорил ничего такого?

– Я поспрашиваю тут, – отвечаю я, мечтая поскорей закончить разговор.

– Перезвони мне потом. Если не выяснится, кто это, надо будет, наверное, полицию вызвать.

Повесив трубку, я бегу вверх, подгоняемая мыслью о человеке, который вроде был у нас в спальне ночью. Бросаюсь к туалетному столику проверить драгоценности – они целы, и

кредитки в сумке, которая лежала на полке в шкафу с субботнего вечера, целы тоже. Все лежит в точности на своих местах. Но я не могу расслабиться; и не смогу, пока не выясню, кто был тот мужчина и зачем он прорвался на нашу вечеринку.

В семь вечера я решаю сходить к Еве и Уиллу. Кто-то должен знать того человека, кто-то же дал ему код, чтобы попасть на территорию комплекса. Машины Евы нет на месте; стучу в дверь – никто не отзывается, и я продолжаю обходить круг против часовой стрелки, отрывая соседей от ужина и телевизора. Некоторые любезно приглашают меня войти, но я остаюсь на пороге и, кратко объяснив ситуацию с непрошеным субботним гостем, спрашиваю, общался ли с ним кто-нибудь. Но никто его не помнит.

– Уверены, что он не плод вашего воображения? – с растяжкой отвечает Коннор из дома номер одиннадцать, услышав, что меня интересует высокий темноволосый симпатичный незнакомец. Стоящая рядом с ним Тамсин не то чтобы ухмыляется, однако от играющей на ее губах полуулыбки я смущенно краснею.

Обитатели десятого дома такого мужчины не припомнили, Джефф из восьмого – тоже. На середине дорожки, ведущей к дому Лорны и Эдварда, я спохватываюсь – в субботу их не было, но развернуться не решаюсь: вдруг они видели меня из окна. Звоню к ним в дверь.

– Надеюсь, вы не обидитесь, что я не приглашаю вас, – говорит Эдвард, открывая дверь. Белая копна волос, аккуратно зачесанная на косой пробор, не потускневшие с возрастом голубые глаза – он все еще красив. – Мы себя неважно чувствуем и не хотим вас заразить.

– О, простите, – говорю я, раскаиваясь, что побеспокоила их. – Могу я как-то помочь?

Эдвард качает головой:

– Через пару дней будем как огурчики. Это всего лишь простуда.

– Жаль, что мы не смогли прийти к вам, – говорит появившаяся за его спиной Лорна, неловко поправляя свой аккуратный боб – такой же белый, как у мужа. – Было весело?

– Да, очень, спасибо. – Я замолкаю, и они выжидательно смотрят на меня улыбаясь. – Но случилось кое-что странное, – продолжаю я. – Я обнаружила, что, оказывается, приходил один мужчина, которого не звали.

– О? – отзывается Эдвард.

– Я думала, это Тим из девятого, – объясняю я. – Но сегодня я познакомилась с Тимом и поняла свою ошибку. И теперь неизвестно, кто же это был. Лео беспокоится, думает вызвать полицию. Но я уверена, что есть простое объяснение! – спешно прибавляю я, заметив, что лицо Лорны становится почти таким же белым, как и ее волосы.

Она подносит руку к шее и вцепляется в жемчужное ожерелье.

– Он сказал, что он ваш друг, – произносит она каким-то задуманным голосом, и меня пронзает тревога от того, что она слишком сильно сдавила бусы. – И что вы не подходите к домофону. И поэтому я его впустила.

Растерянность на лице Эдварда сменяется шоком. Он неотрывно глядит на жену, словно не в силах поверить, что она это сделала. Лицо Лорны теперь заливают краска.

– Мне очень жаль, я не поняла, что вы приглашали только соседей.

– Ничего, – поспешно заверяю я. – Зато наконец-то выяснилось, как он попал внутрь. А можете вспомнить, что точно он сказал?

– Он сказал, его пригласили выпить в дом номер шесть, но вы, наверное, не слышите домофон из-за шума. Я никогда раньше никого так не впускала, не проверив. Не понимаю, почему в этот раз впустила. – Она виновато смотрит на Эдварда, тот кивает, подтверждая, что она действительно впервые поступила так неосмотрительно.

– Да все в порядке, – уверяю я снова.

– Дайте нам знать, если выясните, кто это был, – говорит Эдвард и берется за ручку двери.

– Хорошо.

Осталось спросить только Еву и Уилла. Смотрю на их участок: машина Евы на месте. Отправляюсь прямо туда.

Глава 7

Ева прекращает срезать кинзу и поворачивается ко мне с ножом в руке.

– Ну что, никто его не вспомнил?

Я разочарованно качаю головой:

– Я весь наш «Круг» обошла. Вы с Уиллом – моя последняя надежда.

– Ты говорила, он высокий?

– Да, выше Тима.

– И он сказал, что его зовут Тим?

– Ну, он не сказал, что он Тим, но и не опроверг. Я предположила, что это он, потому что мы говорили, что придет либо Тим, либо Мэри. Я знаю только, что он не отсюда.

– Похоже на обычного халявщика, – смеется Ева.

– Не вижу тут ничего смешного.

– Извини. Я на самом деле немного восхищаюсь халявщиками. Особенно когда им удастся сорвать жирный куш. Если только они ничего не ломают и не крадут. – Она бросает на меня вопросительный взгляд: – Ведь нет?

– Нет, ничего, но дело не в этом. Мы не приглашали его, и его не должно было там быть.

– Мы с Уиллом один раз так просочились на свадьбу, – говорит она. – Было здорово. Пили коктейли в отеле на шумном банкете – там было человек двести, наверное. Потом кто-то позвал всех к огромному шведскому столу. Дело было летом, и мы видели, как люди несут тарелки на улицу, к покрытым белыми скатертями столикам. Мы некоторое время наблюдали, и все как будто было по-простому: никаких карточек с именами, гости просто садились, где нравится. Тогда мы встали в очередь, навалили еды на тарелки и влезли за стол, где уже сидели три пожилые пары.

– Да ладно!

– Ага. Они, похоже, были только рады, что мы разбавили их компанию. Нас спросили, хорошо ли мы знаем молодоженов. Мы ответили, нет, почти совсем не знаем. Практически не соврали. Тут выяснилось, что и они тоже. Что они соседи родителей невесты и их, в общем-то, пригласили больше из вежливости. Мы однозначно скрасили им вечер и потому считали, что не сделали ничего плохого. К тому же мы были очень голодные и очень молодые. Сейчас бы, наверное, так не поступили.

– У меня бы смелости не хватило, – отвечаю я. – Но как насчет нашего загадочного халявщика? Какой был смысл пролезать на вечеринку с напитками? Максимум, чем там можно было поживиться, – это ролл с сосиской и чипсы. Но он и этого не взял, ведь в саду его никто не видел. А я видела только, как он в кухне воду из-под крана наливает. Но вряд ли он ворвался к нам попить воды.

– Ты уверена, что ничего не пропало?

– Абсолютно. По крайней мере, ничего ценного. Украшения и кредитки были на месте, когда я проверяла, и вообще в доме все цело. Да у нас и нет ничего особо ценного.

– А наверх он поднимался?

– Да, но это я его пригласила показать нашу перепланировку.

Ева замолкает, потирая рукой лоб.

– Ты все время была с ним?

– Да, но я думаю, он мог вернуться туда один, когда я была в саду. Лео недоволен, потому что у него в кабинете важные документы по работе лежат.

Ева снова берет нож и возвращается к кинзе.

– Спрошу Уилла, может, он видел на вечеринке кого-нибудь постороннего. Он вот-вот придет. Ты ела? Останешься на ужин?

Я неохотно поднимаюсь на ноги.

– Спасибо, очень мило с твоей стороны, и пахнет заманчиво, но лучше я пойду позвоню Лео. И еще раз прочешу дом – хочу убедиться, что все на месте.

Я убеждаюсь, что наши компьютеры, планшеты и ценные вещи на месте, но не успеваю набрать Лео, потому что звонит Джинни.

– Как прошла вечеринка? – спрашивает она.

– О, отлично. Мне удалось познакомиться почти со всеми, кто живет в нашем «Круге». И классно то, что тут довольно много пар примерно нашего возраста. Ева с Уиллом помоложе, а остальные – под сорок или сорок с небольшим. Когда вы с Марком будете у нас, я приглашу всех, чтобы вы познакомились. – Я делаю паузу. – Хотя я и врагом успела обзавестись.

– Ого.

– Ну не то чтобы совсем врагом, но я ей явно не нравлюсь. Рыжеволосая красавица по имени Тамсин. Полагаю, она думает, что я намерена влезть в их дружеский кружок. Она дружит с Евой, а Ева живет рядом со мной, и, может, Тамсин боится, что мы с Евой будем день-деньской ходить друг к другу в гости.

– Ты там поосторожней с этими дружескими кружками, – говорит Джинни. – Особенно в таком тесном сообществе, как ваш «Круг».

– Ты так говоришь, словно это секта какая-то.

– Может, так и есть, – отвечает она драматическим шепотом.

Она шутит, но меня все равно пробирает дрожь.

– Всем, похоже, было и вправду интересно, что мы сделали наверху.

– Неудивительно. Там у вас здорово. Лео действительно постарался.

– А у тебя как? Хорошо провела выходные?

– Марк играл в гольф с Беном, так что очень хорошо.

Я смеюсь. Джинни с Марком работают вместе и в буквальном смысле сутками не расстаются, поэтому она каждые выходные пытается сплавить его поиграть в гольф, чтобы выкроить пару часов для себя. Она в курсе, что Бен не только великолепный риелтор, но еще и потрясающе играет в гольф.

– И теперь это станет традицией?

– Очень надеюсь, – с чувством отвечает Джинни. – Ты не представляешь, как здорово побыть одной дома.

– А я сейчас, наоборот, слишком много сижу одна.

– Когда освоишься там, будет легче.

– Надеюсь.

Я не хотела, чтобы это прозвучало уныло, но Джинни тут же заметила мой тон.

– У тебя все в порядке?

– Просто я давно уже хочу начинать общаться с людьми, а Лео считает, что надо подождать. Он совсем не обрадовался, когда я проявила инициативу и пригласила всех к нам. И совсем напрягся, когда япустила одного самозванца.

– О, расскажи подробней! Мне интересно.

Я рассказываю про мужчину, которого никто не видел на вечеринке, и чем больше говорю, тем неуютней себя чувствую.

– Прости, Джинни, мне нужно позвонить Лео, – произношу я. – Сейчас я уже хотя бы могу сообщить ему, как незнакомец попал на территорию.

– Хорошо. Горячий привет ему от меня.

Я звоню Лео и пересказываю ему то, что услышала от Лорны.

– Хорошо, значит, половина загадки разгадана, – отвечает Лео. – Хотя все равно непонятно, зачем он явился. – Он раздраженно вздыхает: – И чего ты принялась там всем все демонстрировать!

– Извини, – виновато отвечаю я. – Но ведь все клиентские дела у тебя заперты в шкафчике для документов, разве нет? – Я не пойму, почему он никак не успокоится.

– Да не в этом дело.

– Ты думаешь, это как-то связано с твоей работой?

– Я консультант, а не шпион. – Его голос звучит резковато. – Слушай, не хочу тебе надоедать, но твои ключи у тебя?

– Да, в сумочке, а что?

– Просто – ну, помнишь, я слышал ночью, что в доме кто-то есть? Вдруг это как-то связано с твоим непрошеным гостем.

Мне делается не по себе.

– Я думала, мы договорились, что здесь никого не было.

– Я знаю. И если твои ключи у тебя, то все в порядке. Мои у меня, и только эти два комплекта были в доме во время вечеринки, то есть все ключи на месте.

– И потом, у нас еще врезной замок на входной двери, так что в любом случае внутрь никто пробраться не мог, – напоминаю я. – Только если ты забыл защелкнуть его перед сном?

– Нет, вроде не забыл. И ты не забудь запереться сегодня вечером, Элис. И продолжай опрашивать народ, ладно? Нужно выяснить, кто это был.

– Хорошо.

Правда, спрашивать больше было некого. Загадочный незнакомец ускользнул так же легко, как и появился.

Глава 8

Я сгребаю в охапку подушки и одеяло и несую наверх – в легком смущении оттого, что последние две ночи спала у себя в кабинете. В понедельник вечером, когда пришло время ложиться спать, я не смогла заставить себя остаться в спальне одной. Не только потому, что Лео послышалось, будто прошлой ночью кто-то был в доме, но и из-за мыслей о незваном госте на вечеринке. Внизу я чувствовала себя в большей безопасности и потому разложила диван и ночевала там.

Я застилаю постель, потому что нельзя же спать внизу до бесконечности, и иду к шкафу за джинсами. Доставая их с полки, замечаю, что мой белый сарафан, который я хотела надеть в понедельник, висит на вешалке между двумя другими платьями. Радуюсь находке, я вынимаю его: если накинуть сверху кардиган, то можно будет походить в нем сегодня. Натягиваю сарафан через голову и ощущаю легкий запах стирального порошка; хоть я и носила его в субботу на вечеринке, он выглядит чистым и свежим.

Пока я завтракаю, приходит почта: экземпляр романа, который я буду переводить с итальянского на английский. Мне нравится перед началом работы дважды перечитывать книгу и делать заметки, так что я иду в кабинет и устраиваюсь на диване: счастье, что наконец можно вернуться к привычному режиму работы с девяти до семи, четыре дня в неделю. До сих пор я освобождала себе пятницу, чтобы было три выходных подряд, но, поскольку сейчас Лео по пятницам работает из дома, буду отдыхать в четверг.

Поначалу сконцентрироваться трудно: мешает тревога, что незнакомец вторгнется снова. Сможем ли мы когда-нибудь узнать, кто это был? И – что еще важнее – зачем он это сделал? Последнее меня особенно волнует.

Ближе к обеду, когда несколько глав уже осталось позади, я слышу голоса на дорожке во дворе. Закрываю книгу, иду через гостиную выглянуть в окно и вижу Еву, которая стоит перед черной кованой калиткой, ведущей в парк, и беседует с Тамсин и Мэри. Они, судя по множеству пакетов в руках, вернулись из похода по магазинам. Я с завистью наблюдаю, как они хором смеются в ответ на реплику Евы. Мне становится так одиноко и так хочется оказаться вместе с ними, что я, не дав себе времени передумать, направляюсь к ним.

Иду вдоль дороги, останавливаюсь, чтобы пропустить минивэн из супермаркета, который тормозит напротив дома Эдварда и Лорны. Перехожу дорогу позади него и машу рукой вышедшему на порог Эдварду. Женщины уже не смеются; они сбились вместе, словно обсуждают что-то серьезное, секретное. Какого черта меня к ним понесло? Не хочется их прерывать, но уже поздно: Мэри меня увидела.

– Просто поразительно, что ее это, похоже, не волнует, – произносит Тамсин, когда я к ним приближаюсь.

– Я начинаю сомневаться, что она в курсе, – отвечает Ева.

– Ну, разумеется, в курсе, – фыркает Тамсин.

Мэри поднимает на меня ясный взгляд. Я понимаю, что речь была обо мне.

– Привет, Элис, как дела?

– Спасибо, хорошо, – улыбаюсь я ей.

Ева с Тамсин поспешно оборачиваются. На обеих непрозрачные солнечные очки, и от этого физического барьера между нами мне становится еще больше не по себе.

– Элис! – восклицает Ева, словно полгода меня не видела. Поднимает очки на лоб, задрав дужками короткие волосы. – Чем сегодня занималась?

– Читала. Услышала ваши голоса и решила сделать перерыв.

– Что читаешь?

– Книгу, которую буду переводить.

– А на какой язык? – спрашивает Мэри.

– На английский, с итальянского.

– Интересно.

– Бабушка Уилла – итальянка, и он пытается учить меня, чтобы я могла с ней разговаривать, поскольку на английском она совсем не говорит, – объясняет Ева. – Получается у меня не очень.

– Это ты еще русский не пробовала. Я сто лет училась, чтобы хоть как-то разговаривать.

Ева смотрит на Мэри в крайнем изумлении:

– Я и не знала, что ты по-русски говоришь.

– Говорю, но не очень хорошо. Не бегло, в общем.

Я поворачиваюсь к Тамсин, замечая, что она не проронила ни слова. Сегодня на ней бледно-голубые джинсы и оранжевая футболка, которая на любой другой рыжеволосой женщине выглядела бы странно. А на ней – великолепно.

– А ты? Знаешь какие-нибудь языки?

– Нет, – сухо отвечает она.

– Понятно.

Пусть она меня не любит, но это уже граничит с грубостью. Я оценивающе смотрю на нее. Она потрясающе красива, но есть в ней какая-то грусть. Меня вдруг охватывает желание узнать их всех получше.

– Я тут подумала – чем на дороге стоять, не зайдете ли ко мне на кофе? – спрашиваю я. – Если только вы не заняты?

– Я нет. Сегодня нет, – отвечает Ева.

Мэри улыбается:

– Я тоже. Было бы здорово.

– А я не могу. – Тамсин поднимает руки, демонстрируя пакеты. – Нужно пойти отнести это. Тогда с вами двоими увидимся позже.

Я знаю, что мне не следует обижаться. Но обижаюсь.

К тому времени, как мы ополовинили кофейник, я уже примерно представляю своих новых соседей. Ева с Уиллом знают друг друга двадцать лет, сейчас обоим тридцать один.

– Мы вместе ходили в театральный кружок в школе, – объясняет Ева. – Он сначала не хотел, потому что там были в основном девчонки. Но, поскольку мы дружили, он пошел туда за компанию, и вдруг всем стало ясно, что у него талант. Правда, сам он относился к нему наплевательски, пока я не убедила его пойти на прослушивание в Королевскую театральную академию. И то согласился лишь потому, что я отказалась общаться с ним, пока он не пойдет.

– Люблю эту историю, – говорит Мэри. – А мы с Тимом познакомились, когда выносили мусор, в университете.

Мэри и Тиму под сорок. Тим – дипломированный психолог, работает на полставки и одновременно учится на психотерапевта. Мэри – логопед, работает четыре дня в неделю, – до тех пор, пока Люк, их младший сын, не пойдет в школу.

– У меня выходной в среду, – рассказывает она. – Так здорово отдохнуть от работы среди недели. Могу сходить на йогу с Евой и Тамсин и потом забрать мальчиков из школы. В остальные дни их забирает Тим.

– Я тоже по средам не работаю, – говорит Ева. – Иначе мы с Мэри бы не пересекались.

Я мысленно передвигаю свой выходной с четверга на среду. Занятия йогой – это интересно.

– Забавно, но в среду я тоже не работаю, – улыбаюсь я.

Потом спрашиваю про Тамсин и Коннора. Они примерно одного возраста с Мэри и Тимом; насколько я уже успела узнать от Лео, Коннор занимается виски: продает дорогие

марки богатым клиентам. Тамсин раньше работала моделью – это меня не удивляет, – а теперь сидит дома с детьми.

– А еще она у нас математический гений, – сообщает Мэри. Черноволосая и с ног до головы в черном, она выглядит на редкость театрально. – Учится на всяких таких онлайн-курсах и после экзаменов собирается стать бухгалтером.

– Вау, – отзываюсь я в изумлении. – Хотела бы я иметь математические мозги.

– А ты еще что-нибудь выяснила про того загадочного незнакомца? – спрашивает Ева, потянувшись за песочным печеньем.

– Нет. Я стараюсь не напрягаться по этому поводу. Меня больше расстроило, как отреагировала Лорна. Это ведь она его впустила. Ее это прямо убило.

– Очень печально. – Улыбку на лице Евы сменяет озабоченность. – Им с Эдвардом не нужен лишний стресс. Ты знаешь про их сына? Он погиб в Ираке. Их единственный сын, вообще кошмар.

– Ужас! – Я в шоке. – Для них это, наверное, был страшный удар.

– Они раньше жили на побережье, кажется в Борнмуте, и переехали сюда три года назад, – подхватывает Мэри. – Лорна говорила, что воспоминания грызли их все больше и больше и они решили начать все заново. Выбрали Лондон, потому что любят театры и музеи, а в силу возраста им уже тяжело мотаться сюда из Борнмута. И довольно долгое время жили тут хорошо, со всеми общались, часто выбирались в город, как и планировали. А потом вся эта история с сыном их снова догнала, и они превратились в затворников. Это действительно очень грустно – они никуда не выходят, даже за продуктами. Им все доставляют, и одежду тоже. Они растеряли всю свою уверенность.

– Или волю к жизни, – спокойно говорю я. Ловлю их растерянные переглядывания и решаю все рассказать: – Мои родители и сестра погибли в автокатастрофе, когда мне было девятнадцать. И я с тех пор надолго потеряла волю к жизни.

– О, Элис, это ужасно. – Ева касается моей руки. – Мои соболезнования.

– Сестре было всего двадцать два. Она отдыхала в Греции с парнем, а родители поехали встречать ее в аэропорт.

– Даже представить себе не могу! – Глаза Мэри полны сочувствия. – Как ты справлялась?

– На мне остались бабушка с дедушкой. Мне приходилось быть сильной ради них, а им – ради меня. Так мы и держали друг друга.

Я снова наполняю их кружки, втайне радуясь, что Тамсин к нам не присоединилась. И когда Мэри снова упоминает йогу, я не произношу ничего такого, что могло бы заставить ее подумать, будто я жажду приглашения присоединиться к ним (хотя на самом деле я жажду). Не хочу злоупотреблять отсутствием Тамсин. К тому же разве Лео не предупредил меня, чтобы я не бросалась очертя голову в новую дружбу?

– Прости, Элис, мне пора. – Голос Мэри возвращает меня в реальность. – Йога в два, мне нужно сбегать домой за формой. Ева, я тебя на улице жду.

– Наш срединедельный ритуал, – поясняет Ева, когда Мэри ушла. – Мы идем на йогу, потом я сопровождаю Тамсин и Мэри в школу за детьми. Когда погода хорошая, мы идем в наш парк, чтобы дети поиграли. А потом к кому-нибудь на чай.

– Как здорово, – с легкой завистью отзываюсь я.

Ева открывает рот, и мне кажется, что сейчас она пригласит меня ходить с ними.

– Ты когда-нибудь занималась йогой? – спрашивает она вместо этого.

– Никогда. – Я осторожно улыбаюсь. – Может, я присоединюсь к вам в январе, когда начнется новый набор.

Ева уходит, и я из кабинета Лео наблюдаю, как они с Мэри идут через сквер за Тамсин. Перерыв получился приятный; а теперь я рада вернуться к своей книге. Я настолько погружаюсь в нее, что в испуге подскакиваю от звонка в дверь. Поспешно закрываю книгу; надеюсь,

это Ева – хочет пригласить меня присоединиться к ним в сквере. Смотрю на часы: нет, это не может быть Ева, еще нет трех часов, так что они пока на йоге. Может, это Лорна или Эдвард.

Кладу телефон в задний карман и иду открывать.

Его голова повернута в сторону сквера, но я безошибочно узнаю, кто это. Повинуясь инстинкту, мгновенно захопываю дверь, успев заметить, как он удивленно оборачивается. Я отступаю назад, сердце колотится. Зачем он вернулся?

Снова звонок. Я бросаюсь вперед и накидываю дверную цепочку.

– Мисс Доусон? – доносится сквозь дверь.

– Если вы не уйдете, я вызову полицию, – сухо говорю я.

– Очень надеюсь, что вы этого не сделаете. Мисс Доусон, меня зовут Томас Грейнджер, я частный детектив и занимаюсь восстановлением справедливости. Брат моего клиента был обвинен в убийстве, которого не совершал.

– Неважно, я все равно полицию вызову. Вы незаконно проникли в мой дом в субботу.

– На самом деле это вы меня впустили.

– Только потому, что предполагала, что вы один из приглашенных.

– Вы спросили меня, не Том ли я, а я как раз Том, хоть никто меня так и не зовет.

– Я сказала «Тим»!

– Сомневаюсь, что вы сможете доказать это в суде. – В его голосе слышится улыбка, и я ощущаю, как мои позиции ослабевают. – Могу я попросить вас открыть дверь? Мне действительно необходимо поговорить с вами лицом к лицу.

Я неохотно открываю дверь, но оставляю цепочку. Он смотрит на меня сквозь щель, слегка наклонившись, чтобы мне лучше было видно его лицо. Дорога за ним пуста.

– Благодарю. – Он достает из внутреннего кармана пиджака карточку и подает мне. – Как я уже говорил, я частный детектив и занимаюсь убийством Нины Максвелл.

Я не беру карточку, не могу. От одного этого имени у меня голова взрывается. Прошел уже, наверное, год, но я это убийство никогда не забуду, потому что Ниной звали мою сестру.

Так всегда. Какую бы Нину я ни встречала, я инстинктивно стремлюсь с ней подружиться. Про какую бы ни читала, принимаю все близко к сердцу. Так подействовала на меня смерть старшей сестры, которую я боготворила. Она до сих живёт в других женщинах по имени Нина.

Я не сразу справляюсь с нахлынувшими воспоминаниями.

– Нина Максвелл? – спрашиваю я. – Не понимаю, какое отношение имеет ее убийство ко мне.

Он слегка хмурится:

– Никакого, за исключением того, что это случилось здесь.

Я замираю, уставившись на него через щель:

– Где – здесь? В комплексе?

Он хмурится еще больше:

– Нет, здесь, в этом доме.

Я мотаю головой:

– Нет. Это какая-то ошибка. Она здесь не жила. Не в этом доме, по крайней мере. Иначе мы бы знали, риелтор сказал бы нам.

– Я не уверен...

– Простите, – перебиваю я в раздражении от того, что он меня так взбудоражил. – Но вы ошибаетесь. Может быть, Нина Максвелл жила здесь в каком-то другом доме, но не в этом. Мы бы не купили дом, в котором произошло убийство. И потом, мы бы знали, потому что риелтор сказал бы нам.

Я начинаю закрывать дверь, но он не отводит взгляд.

– Боюсь, здесь нет никакой ошибки, мисс Доусон. Нина Максвелл жила именно в этом доме. – Он делает паузу. – И в этом доме она умерла.

Глава 9

Во второй раз за несколько минут я захлопываю дверь у него перед носом. Ноги у меня подкашиваются, я опускаюсь на пол.

– Мне очень жаль, – доносится сквозь дверь, и я вздрагиваю. Он еще здесь. – Я понимаю, что это для вас шок.

– Уходите или я вызываю полицию! – сердито восклицаю я.

– Хорошо, я уйду. Но могу я попросить вас сделать кое-что? Для начала погуглите это убийство. А потом позвоните риелтору и спросите, почему он скрыл его от вас, когда вы покупали дом. – Слышится шорох, и его карточка проскальзывает в почтовый ящик. – Если почувствуете, что можете со мной поговорить, позвоните по этому номеру, пожалуйста. Мы оба – и я, и мой клиент – будем вам благодарны.

Его шаги затихают вдали. Ползучий страх приковал меня к лестнице, и я не могу сдвинуться с места. Что, если это правда? Достаяю из кармана мобильник, набираю в поисковике «убийство Нины Максвелл». Высвечивается несколько ссылок на новости по теме. Открываю первую, от 21 февраля 2018-го, и вижу фотографию хорошенькой блондинки со смеющимися карими глазами; на шее у нее смутно угадывается золотая цепочка. Я узнаю этот снимок: после убийства он несколько недель мелькал во всех СМИ. С колотящимся в горле сердцем прокручиваю статью вниз.

«Тридцативосьмилетняя женщина была найдена убитой в Лондоне. Полиция приехала по вызову в один из домов “Круга”, элитного комплекса у Финсбери-парка, около 21:30 вчера вечером и обнаружила там тело Нины Максвелл».

Я чувствую, как в желудке поднимается тошнота. Заставляю себя прочесть статью снова, и мои глаза зацепляются за слово «Круга», словно я надеюсь, что если смотреть на него подольше, то оно испарится. Однако оно не испаряется. И хотя номер дома в статье не упоминается, мысль о том, что Нину Максвелл убили именно здесь, в доме, где я живу, приводит в оторопь. В памяти всплывает картинка: дом в полицейском оцеплении, букеты цветов на тротуаре у входа. Вот у этого самого?

Я отрываюсь от лестницы, хватаю ключи и открываю дверь, немного опасаясь, что увижу перед собой детектива. К счастью, его и след простыл. И всех остальных тоже. Делаю шаг вперед, в ужасе от того, что меня отовсюду видно. Но и в доме я не могу остаться, сейчас никак.

Перехожу дорогу и, толкнув калитку, ведущую в сквер, бросаюсь на ближайшую скамейку. Не знаю, почему я так напугана. Томас Грейнджер был безукоризненно любезен в обе наши встречи. Страшит меня не он сам, а то, что он сказал. Как это вышло, что он знает про убийство в доме, где мы с Лео живем, а мы не знаем? Как это Бен не сказал Лео?

Я нахожу телефон риелторского агентства «Редвудс» и звоню им. Отвечает женщина.

– Могу я поговорить с Беном? – спрашиваю я, стараясь не выдать волнения.

– К сожалению, он уехал на несколько дней. – В ее голосе скорее досада, нежели сожаление.

У меня екает сердце.

– А когда он вернется?

– В понедельник. Могу я вам помочь? Я Бекки, я с ним работаю.

Я медлю с ответом; хочется спросить у нее, знает ли она об убийстве в доме, который Лео через них купил. Верно ли, что каждый, кто там работает, должен знать историю дома, если в нем не так давно произошло убийство?

– Меня зовут Элис Доусон, – отвечаю я, решившись. – Мой партнер, Лео Кертис, недавно купил дом в Финсбери через Бена. В «Круге», номер шесть. И мне надо знать – я слышала, там кое-что случилось в прошлом феврале. Говорят, там погибла женщина? – Выговорить «убита» я не в состоянии.

Долгая пауза; мне это не нравится.

– Думаю, вам лучше поговорить с Беном, мисс Доусон.

– Именно этого я и хотела. Можете дать мне его мобильный, пожалуйста?

– Простите, не могу. Но я попрошу его перезвонить вам сразу, как только он вернется в понедельник.

– Да, прошу вас.

Я кладу трубку с дурацким ощущением, что подступают слезы. Сердито тру глаза, но не могу приглушить нарастающий ужас от мысли, что наш дом стал местом преступления. Бекки этого не подтвердила, но и не опровергла. Во мне поднимается ярость. Бен, как он мог скрыть это от нас? Он сказал Лео, будто дом дешевле рыночной стоимости из-за того, что целый год не находилось покупателей. Лео, наверное, спросил, почему не находилось, а Бен, наверное, наврал или ушел от ответа. Лео будет просто огорашен. Если все правда, нам придется начинать поиски нового дома.

Мысли несутся вскачь: Лео выставит дом на продажу, и мы переедем в съемную квартиру, пока не найдем что-то еще. Или, что еще лучше, вернемся в мой коттедж. Я тут же топчу эту искру радости от мысли о возвращении в Харлстон, неуместную на фоне убийства. К тому же в моем коттедже еще пять месяцев будут жить арендаторы.

Надо – просто необходимо – поговорить с Лео, но, когда я набираю его номер, меня перебрасывает на голосовую почту. Жду несколько минут, пробую еще раз, но он не отвечает. Мне так хочется докопаться до сути, что я решаю перезвонить в агентство и потребовать, чтобы они дали мне телефон Бена. Но я останавливаю себя. А вдруг он и не обязан был сообщать Лео об убийстве? Я снова открываю поисковик и набираю: «Должны ли риелторы сообщать о том, что в доме произошло убийство?» Открывается довольно внятная статья, но по мере прочтения радость во мне сменяется разочарованием. Похоже, что, хотя обычно риелторы и говорят об этом, официально они не обязаны.

Я потрясенно откидываюсь на скамейку. Не могу поверить, что Бен повел себя так недобросовестно. Может, по закону он и не обязан, но как насчет моральных обязательств? Его нам рекомендовали Джинни с Марком, и Марк с ним дружит! Надо их предупредить насчет него.

Отправляю Джинни сообщение: «Мы можем поговорить?» Джинни на то и Джинни, по этим трем словам догадывается, что что-то не так, и тут же перезванивает.

– Элис, что случилось? Ты в порядке? С Лео все в порядке?

– Да, с нами все нормально. Но мне нужен твой совет. На самом деле мне нужно поговорить с Беном. У тебя, случайно, нет его номера?

– У Марка есть. А что, что-то не так с домом?

Я вздрагиваю от удивления:

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю, – отвечает она озадаченно. – Но раз ты просишь номер Бена – значит, наверное, это связано с домом, потому что иначе с чего бы он тебе понадобился?

– Ну да, дело в доме. Я только что узнала, что здесь убили женщину. В нашем доме, номер шесть. – Я произношу эти слова, и ужас возвращается; свободной рукой я вцепляюсь в деревянную скамейку, словно заземляюсь.

– Что?! – Голос у нее ошарашенный. – Ты говоришь, что женщину убили в вашем доме? Который купил Лео?

– Да.

– Ты уверена?

– Да, я проверила. Помнишь убийство Нины Максвелл? Женщины, которую убил собственный муж?

– Он еще потом покончил с собой?

– Да, кажется. Так вот это был их дом, Джинни. Это случилось здесь. Я посмотрела ленту тогдашних новостей – пишут, что в «Круге». Номер дома не указан, но это было здесь, я знаю.

– Элис, это ужасно. Я тебе сочувствую!

– Очевидно, поэтому дом так долго и не продавался. Никто не хотел покупать. Я их не виню; но не хочу сейчас там находиться, не могу быть в этом доме. Сажу в сквере, и даже это слишком близко. Бен должен был сказать Лео, но не сказал.

– Но... как же это, я не понимаю: разве он не обязан был?

– Похоже, что нет, я проверяла.

– Может, он и не знал.

– Думаю, он должен был знать.

Калитка с лязганьем открывается; я поднимаю взгляд и вижу, как в сквер заходит Джефф и затворяет калитку. На нем его обычная форма: шорты и футболка оверсайз, – только сегодня он еще кепку добавил – защитить лысеющую голову от солнца. Он весело улыбается мне, и меня пронзает желание вскочить и спросить, знает ли он что-нибудь про убийство. Вместо этого я улыбаюсь в ответ, не отрывая ухо от телефона, всячески давая понять, что разговариваю.

– Не могу поверить, что Бен тебе не сказал, – говорит Джинни. – Я не очень хорошо его знаю, Марк знает лучше, но я не могу поверить, что он поступил так нечестно.

– Вот поэтому я и хочу с ним поговорить, – отвечаю я, пока Джефф проходит мимо. – Я звонила в агентство, они сказали, что его не будет несколько дней. Но это очень важно для меня. Ты не могла бы узнать его номер у Марка?

– Сейчас ему позвоню. Хочешь, я сама поговорю с Беном?

– О, неужели ты это сделаешь? – Мой голос садится. – Просто ее звали Нина... Если ты сможешь выяснить, знал ли он, мне будет достаточно.

– Конечно. – Голос Джинни полон сочувствия. Она не знала Нину, но понимает, почему я так расстроена. – Я тебе перезвоню.

До звонка проходит вечность, на всем ее протяжении я чувствую себя абсолютно одинокой, потому что Джефф уже скрылся и вокруг больше никого нет. Наконец телефон звонит, и тут я вижу, как в калитку на противоположном конце сквера заходят Ева, Тамсин и Мэри вместе с оравой галдящих детей. И прежде чем принять звонок, поспешно сдвигаюсь на скамейке и поворачиваюсь к ним спиной в надежде, что они меня не заметят и пройдут мимо. Однако, взглянув на экран, я понимаю, что номер мне незнаком. Я смотрю в телефон и ненавижу себя за собственную реакцию, за то, как скачет мое сердце. Что, если это тот частный детектив?

Нажимаю зеленую кнопку и отвечаю на звонок.

– Мисс Доусон? – произносит мужской голос, и я уже готова повесить трубку, когда понимаю, что это не Томас Грейнджер.

– Да, – резко отвечаю я, поскольку это, должно быть, Бен.

– Мисс Доусон, это Бен Форбс из «Редвудс». Я только что говорил с Джинни и решил сам вам позвонить. Надеюсь, вы не против?

– Нет, все в порядке, я только хотела понять, узнать, как так вышло, что мы поселились в доме, где убили женщину.

– Я понимаю, что для вас это шок, – повторяет он слова Томаса Грейнджера.

– Да что вы говорите? – свирепо отвечаю я: стало быть, он все знал. – Разве вы не должны были сообщить об этом Лео, хоть по закону и не обязаны?

– Могу я спросить, как вы узнали?

– Сосед сказал, – сочиняю я, поскольку знать о частном детективе Бену незачем. – Но какая разница? Мы должны были услышать об этом от вас.

– Скажите, пожалуйста, а вы говорили с мистером Кертисом?

– Нет еще, он работает. Он будет в шоке – мы теперь точно не сможем здесь жить. Надеюсь, вы понимаете.

– Я думаю, вам следует позвонить мистеру Кертису, мисс Доусон.

– Я позвоню, как только узнаю, почему вы не рассказали ему об убийстве.

– Простите, мисс Доусон, но мистеру Кертису все известно. Он выяснил историю дома перед покупкой. Он знал, почему дом пустовал целый год и почему продавался ниже рыночной стоимости. – Бен делает паузу, давая мне время осознать услышанное. – Когда он вернулся и сказал, что согласен, я спросил его, точно ли вам это подойдет. Потому что хоть этот дом и смотрели несколько раз, но все в итоге решили, что не смогут чувствовать себя там комфортно. Однако мистер Кертис заверил меня, что вы не против. Что вы закроете глаза на эту историю, поскольку сможете сохранить свой коттедж – в Сассексе, кажется? – Снова пауза. – Я сожалею, мисс Доусон, но вам действительно необходимо поговорить с мистером Кертисом.

Глава 10

Я в таком ступоре, что едва улавливаю звонок мобильного. Это Джинни. Не беру трубку, не могу. Мозг намертво уперся в сказанное Беном.

Поверить в это невозможно. Невозможно поверить, что Лео взял и купил дом, невзирая на совершенное в нем убийство. Слишком неправдоподобно. Как он мог с этим смириться? Как мог хоть на секунду подумать, что с этим смирюсь я? Он же знает, насколько я впечатлительна; не могу смотреть фильм, если чувствую, что сейчас произойдет что-то плохое, и выхожу из комнаты. Видимо, поэтому он мне и не сказал: понимал, что я откажусь тут жить. Хуже того, он соврал Бену, будто я уже в курсе. А еще хуже то, что он сказал Бену, будто я согласилась тут жить потому, что не хочу продавать свой коттедж. Как он мог? Выставил меня одновременно и бесчувственной, и меркантильной. Ненавижу его за это. Зато теперь Бен знает правду. Хотя от этого не особенно легче.

Не могу понять, почему Лео так мне и не сказал. Должен бы по идее был понять, что я когда-нибудь узнаю. Он из-за этого не хотел приглашать к нам гостей? Чтобы кто-нибудь не упомянул об убийстве? И почему никто о нем не заговорил? Ева, Мэри, остальные – почему никто на вечеринке ни словом о нем не обмолвился?

Потому что не могли, наконец доходит до меня. Они думали, что я знаю и что мне это не мешает. Вряд ли кто ввернет такое в разговоре: ну что, Элис, каково это – жить в доме, где произошло убийство? Теперь понятно, что имела в виду Тамсин, когда сказала на вечеринке, что я поступила смело. Не мой переезд из сельской местности в Лондон, а мое заселение в дом с жутким прошлым. И понятна ее фраза, донесшаяся до меня сегодня утром. «Просто прекрасно, что ее это, похоже, не волнует». И реплика Евы: «Я уже начинаю сомневаться, что она в курсе».

Меня затопляет благодарность к Еве, которая понимает, что я, возможно, не такая бесчувственная, как все, наверное, думают. Удивительно, что она так дружелюбна со мной; удивительно, что все здесь в целом достаточно любезны. Может, кто-то втайне и осуждает нас за покупку дома, но большинство выказывало заинтересованность...

Боже! Я наклоняюсь вперед, уронив голову на руки. Я же устраивала экскурсию по дому, водила людей наверх. Что они все думали? Те, кому так не терпелось посмотреть спальню, – это из-за убийства, которое там произошло?

Я так и держу телефон в руке; снова гуглю убийство и нахожу статью, написанную спустя четыре дня. Там информации больше: тело обнаружили в спальне, привязанным к стулу. Волосы были отрезаны; ее задушили. «Арестован мужчина, он сотрудничает с полицией и помогает в расследовании» – так завершается статья.

К горлу подкатывает желчь. Мне было известно, как погибла Нина Максвелл, эти картины преследовали меня несколько месяцев. Однако прочитать своими глазами... Чтобы одолеть тошноту, я перенаправляю ее в другое русло, превращаю в злость на тех, кто хотел посмотреть спальню, место убийства. Тамсин и большинство остальных женщин отклонили мое предложение посмотреть перепланировку, интерес проявляли в основном мужчины. Ева была наверху, но не в день вечеринки, а раньше, когда зашла представиться. Я потащила ее наверх показать наш гигантский шкаф. Она согласилась не сразу, и я приняла ее колебания за нежелание показаться слишком любопытной.

– Элис?

Я поднимаю голову и вижу, как ко мне по дорожке идет Ева.

– Что ты тут сидишь? – Она слегка хмурит брови. – Да ты дрожишь! Все в порядке?

– Нет, на самом деле нет.

– Ты заболела? Позвонить кому-нибудь?

– Нет, все хорошо. Хотя, конечно, нет, – пытаюсь я пошутить. – Но я здорова. Я просто чувствую такое унижение и злость!

– Злость – это хорошо, – отвечает Ева, усаживаясь рядом. Аромат ее парфюма – да, это «Армани» – как-то странно успокаивает. – Это лучше, чем болезнь или грусть. Не расскажешь мне, в чем дело?

– Я только что обнаружила, что наш дом, – отвечаю я, стиснув руки, – стал местом жестокого преступления. – Я смотрю на нее в тоске: – Я не знала, Ева. Лео знал, но не сказал мне.

– О, Элис. – Сочувствие в глазах Евы тоже успокаивает. – Я уже начала думать, что ты действительно не знаешь. Поначалу я думала, что ты из тех, кто умеет отделять мух от котлет, кто может сказать, мол, что было, то было.

– Я не способна на такое бесчувствие. Удивительно, что ты вообще со мной разговаривала. Удивительно, что все со мной разговаривали, хотя я даже ни разу не упомянула о происшествии и не сказала, как я сожалею, что вы потеряли соседей.

– Никто тебя не осуждал, Элис.

– Думаю, Тамсин осуждала.

– Ну, может быть. Немного. Нина была ее лучшей подругой, так что это понятно. – Она на секунду замолкает. – Когда она тебя впервые увидела, то подумала на мгновение, что ты – это Нина. Она стояла у окна спальни и смотрела, как ты идешь через сквер. Ты примерно той же комплекции, и с такого расстояния можно было различить только твои светлые волосы. Она чуть с ума не сошла.

Я рассеянно киваю.

– Но почему меня не осуждают? – спрашиваю я. – Разве это не естественно?

Ева проводит рукой по волосам.

– Я думаю, всем просто стало легче, когда дом наконец купили. Наконец он перестал пустовать, в нем кто-то поселился. А то стоял как мавзолей. Дети даже уверяли, что в нем живут привидения, а родители не хотели, чтобы малыши в это верили. Когда мы услышали, что у дома появятся новые хозяева, то в наш комплекс словно потянуло свежим ветром. Наконец мы могли начинать жить дальше. – Она смотрит на меня серьезными глазами: – Люди были благодарны, Элис. Нам это казалось новым стартом.

– Но вы сплетничали о том, что я все знаю, – отвечаю я, роюсь в кармане в поисках бумажного платка. – И, конечно, никто не осмелился упомянуть убийство в субботу вечером, хотя много кто захотел посмотреть место, где оно произошло. Хоть бы кто-нибудь спросил меня, каково мне живется с призраком убитой женщины.

Ева, кажется, смутилась.

– Ну, тут отчасти и я руку приложила. Лео сказал Уиллу, что будет благодарен, если никто не станет упоминать при тебе историю дома, поскольку ты якобы очень нервная. Уилл передал мне, а я вроде как всем.

Всплывает воспоминание: Лео идет к Уиллу на следующий день после того, как я всех пригласила к нам.

– Не могу поверить! – Злость возвращается. – Он вообще не хотел, чтобы я об этом узнала, так ведь? – Я смотрю на Еву в надежде, что она сможет дать ответ: – Не понимаю, Ева. Он никогда ничего подобного не делал. Ничего не скрывал, не говорил неправду. И он должен был понимать, что я все равно когда-нибудь узнаю. Такие вещи не сохранишь в секрете.

– А как ты узнала? – спрашивает Ева и, достав из сумки кепку, начинает ей обмахиваться.

– Мне позвонили, – отвечаю я, надеясь, что моя небольшая заминка пройдет незамеченной. – Журналист. – Я не вру: я почти уверена, что Томас Грейнджер – журналист и представился частным детективом лишь для того, чтобы звучало это более удобоваримо.

Ева нахлобучивает кепку на голову, прямо поверх очков.

– И что он сказал?

– Она спросила меня, каково это – жить там, где произошло жестокое убийство, – сочиняю я на ходу, используя для маскировки женский род. – А когда я сказала, что не знаю, о чем речь, посоветовала погуглить Нину Максвелл. – Хотя бы это точно правда. – Ну, я так и сделала.

– Как ужасно – узнать все вот так.

Я качаю головой.

– Не могу поверить, что Лео знал. – Я со стыдом вспоминаю, как обвинила Бена в том, что он не предупредил Лео. – Лео сказал риелтору, что я не против, потому что дом идет со скидкой и благодаря этому я могу оставить себе коттедж в Харлстоне. Выставил меня совершенно бесчувственной.

Ева тянется обнять меня, но, поскольку мы сидим на скамейке, выходит неловко, и я осознаю, что совсем не знаю Еву. А знаю ли я Лео?

– Что ты собираешься делать? – спрашивает она.

– Надо поговорить с Лео. Но я не хочу ему звонить, хочу поговорить лично. Он возвращается завтра вечером, так что придется ждать. Но в доме я оставаться не могу, пойду в отель. – Я поднимаю глаза на Еву: – Можешь мне помочь? Мне нужно взять из дома пару вещей, не сходишь со мной? Это, наверное, глупо, но мне туда страшно зайти.

– Совсем не глупо. Конечно, я с тобой схожу. И тебе не надо ни в какой отель, можешь остаться у нас с Уиллом.

Я замираю, вдруг перестав понимать, чего я хочу.

– Ты уверена?

– Конечно, уверена!

– Много мне не надо, только пижаму, зубную щетку, смену одежды. И еще книгу и ноут.

– Ну, пошли тогда.

На пороге я передаю Еве ключи. Она открывает дверь, заходит в дом, а я застываю на месте, сжавшись от ужаса. Не знаю, чего я жду – что дом станет другим? Или хотя бы мои ощущения изменятся? Но ничего такого не происходит, и я захожу тоже.

Ева наклоняется подобрать что-то с пола.

– Чья-то визитка, – говорит она и передает мне ее, не глядя.

– Спасибо. – Опустив ее в карман, я жду Еву, которая снимает кепку, засовывает ее в сумку и разувается. Я тоже сбрасываю кроссовки и поднимаюсь вслед за ней наверх, в спальню. Ева входит, я остаюсь в дверях.

Она подает мне руку.

– Тут все по-прежнему, Элис. Ничего не изменилось.

Сделав глубокий вдох, я оглядываю комнату. Ева права, здесь все по-старому. Узорчатые занавески колышутся от ветра так же, как и утром. Моя расческа по-прежнему на туалетном столике; одежда, которую я носила вчера, – на стуле. И все же...

– Не могу тут оставаться, – отвечаю я.

Меня захлестывает нарастающая паника; я бросаюсь к комоду, хватаю пижаму и какое-то нижнее белье и выбегаю из комнаты – подальше от несчастья, которое уже просачивается в мои поры.

Глава 11

– Вот. – Ева подает мне чашку чая. – Выпей, а потом откроем бутылку вина.

– Прости. Сама не знаю, почему я подняла такой переполох. – Подбрав под себя ноги, я устроилась на диване светлой кожи в гостиной у Евы. – Хотя на самом деле знаю. – Ева заслуживает правды. – Ниной звали мою сестру, и поэтому на меня особенно сильно действует все, что происходит с Нинами.

Ева обнимает меня:

– О, Элис, мне так жаль.

– Ей было бы теперь столько же лет, сколько и Нине Максвелл. Наверное, звучит пафосно, но из-за этого мне кажется, будто мою сестру убили дважды.

– И в придачу еще Лео тебе об убийстве не рассказал – любому бы хватило, чтобы с ума сойти. Тебе теперь многое нужно осмыслить.

После бокала шабли становится легче.

– Какой она была? – спрашиваю я.

– Нина? – Ева отпивает вина. – У меня не было возможности хорошо ее узнать, мы переехали сюда всего за пять месяцев до ее смерти. Очень милая, немного не от мира сего. Работала психотерапевтом и еще была квалифицированным инструктором йоги. – Она улыбается: – Запустила нашу йога-группу, и после ее смерти мы в память о ней так и продолжаем.

Мне понравилось, что Нина Максвелл любила йогу: моя сестра тоже. Регулярно пыталась затащить меня к себе на занятие, но у меня всегда находились другие дела. Потом я так жалела, что не сходила хотя бы раз. И еще мне нравится, что Нина Максвелл работала психотерапевтом: похоже, ей нравилось помогать людям.

– А ее муж?

– Милейший человек, каких поискать. Насколько мне казалось. Никогда ведь не знаешь точно, так ведь?

– Ты, наверное, была в шоке, когда его арестовали за убийство?

Ева тянется к низкому стеклянному столику, не круглому и не квадратному, какой-то неопределенной формы, за бокалом.

– Все были. – Она делает глоток. – Мы не могли в это поверить. Думали, обычное дело, первый подозреваемый обычно муж. А потом узнали о его самоубийстве.

Я вспомнила: частный детектив говорил, что хочет восстановить справедливость.

– И тогда вы поверили, что это он убил?

– Да.

– Но почему?

Ева явно нервничает.

– Прости, что пристаю с вопросами, – продолжаю я. – Я просто пытаюсь понять. Если не хочешь, чтобы я спрашивала, то скажи.

– Нет, все в порядке. На самом деле такое облегчение – наконец поговорить об этом с человеком, которого здесь тогда не было. У нас это стало каким-то табу. – Ева замолкает, обдумывая мой вопрос. – Помимо того что не нашли следов взлома, есть еще причины, из-за которых мы поверили, что Оливер ее убил. Во-первых, его самоубийство, похоже, говорит о том, что он не смог смириться с содеянным, потому что действительно любил Нину; это так ужасно. А еще всплыли кое-какие подробности, убедившие нас, что это не только возможно, а очень вероятно.

– Какие подробности?

– Во-первых, он соврал насчет того, во сколько вернулся домой в тот вечер. – Она хмурится и виновато смотрит на меня. – На самом деле нехорошо повторять то, что я слышала из

вторых или третьих уст. Как я уже говорила, я не так уж и хорошо знала Нину. Тамсин знала ее гораздо лучше. А Лорна в тот вечер все видела. – Она ставит бокал и тянется к бутылке. – Разреши тебе добавить?

Хоть меня и снедает любопытство, я рада прекратить разговоры об убийстве. И уважаю ее нежелание распространять сплетни.

– Посмотрим кино? – предлагает Ева. – Что-нибудь легкое, чтобы отвлечься?

– Хорошая мысль, – отзываюсь я.

– Вряд ли ты согласишься на «Когда Гарри встретил Салли»? Я его смотрела только раз.

– Почему бы и нет? – смеюсь я. – Романтическую комедию я переживу.

Мои мысли все равно крутятся вокруг убийства, однако фильм все же занял нас до возвращения Уилла.

– Умоляю, скажи, что ты не голодный, – восклицает Ева, поднимаясь с дивана поцеловать его. – Мы с Элис тут болтали. Она останется на ночь. Здорово, правда?

Я замечаю, как она подмигивает Уиллу, давая понять, что дело серьезное.

Уилл скидывает с плеч рюкзак, ставит его на пол.

– Очень, – отвечает он, улыбнувшись мне. – И – да, я голодный, я всегда голодный, когда у меня весь день репетиции. А вы тут поели?

– Нет, – жалобно отвечает Ева, – даже чипсов нет ни крошки.

– Ну, тогда, может, я сделаю нам тазик пасты?

Ева закидывает руки ему на шею.

– О, я так надеялась, что ты это скажешь! – восклицает она и поворачивается ко мне: – Уилл делает лучшую в мире пасту. Восхитительный соус по рецепту прабабушки. Пальчики оближешь!

– Только если я его с нуля буду делать, то это часа на два, – сообщает Уилл.

– А, ну да, я совсем забыла. – Ева выглядит такой удрученной, что мне становится смешно. – Вся эта возня ради того, чтобы как следует уварить помидоры.

– Именно. Поэтому я сделаю карбонару, если у нас есть бекон.

Ева сияет:

– Есть. Хочешь выпить вина, пока готовишь?

– Нет, не беспокойся, я возьму пива. – Уилл уходит в кухню. – Увидимся минут через двадцать.

Звонит мой мобильник, и я пугаюсь.

– Это Лео! Не могу с ним сейчас говорить.

– Тогда не говори, – отвечает Ева. – Напиши эсэмэс, что ужинаешь с нами и поговоришь с ним позже. Успеешь подготовиться, подумать, что ему сказать.

– Отличная мысль. – Я тут же успокаиваюсь.

Ева встает.

– А пока ты думаешь, я накрою на стол. Приходи, когда будешь готова.

Я пишу Лео эсэмэс и, получив от него в ответ веселое «Отлично, повеселитесь там», ощущаю укол вины из-за того, что он и не подозревает, о чем я собираюсь с ним поговорить. Напоминаю себе, что это не моя вина; это он поступил нечестно. Однако помогает не то чтобы сильно.

Плюс одинаковой планировки домов в «Круге» в том, что я точно знаю, где у Евы с Уиллом кухня. Проходя через холл, слышу, что они тихо разговаривают. Очевидно, Ева рассказывает, почему я здесь.

– Помочь? – спрашиваю я, открывая дверь.

– Да, выпей со мной еще вина, – отвечает Ева, доставая из холодильника следующую бутылку.

Там, где у нас стоит стол, у них – барная стойка. Я взбираюсь на стальной барный табурет и наблюдаю, как они перемещаются по кухне. Уилл то и дело натывается на Еву, делая вид, будто она мешает ему пройти. Я улыбаюсь: им так хорошо вместе. И думаю о нас с Лео. А нам хорошо вместе? Я полагала, что да. Но теперь не уверена.

Мы перемещаемся за стол и принимаемся за дымящуюся восхитительную пасту. Я жду, что Уилл что-нибудь скажет о случившемся; я бы не возражала – вдруг у него будет какое-нибудь озарение насчет Лео и он сможет объяснить, почему тот решил скрыть от меня такую важную вещь. Но хоть я и расслабилась немного – Уилл отлично умеет развеселить человека, – он не упоминает ни Лео, ни убийства.

Позже, лежа в их уютной гостевой комнате, я вспоминаю, как недавно говорила Лео об одной своей подруге, которая обнаружила, что ее муж проиграл все их деньги.

– Ты бы видел, Лео, в каком она состоянии! Не знает, что делать: остаться с ним или уйти. Говорит, все доверие пропало.

– А что ты бы сделала на ее месте?

– Я бы не смогла оставаться с тобой без доверия. А если бы я не могла оставаться с тобой, то и жить бы не стоило. – Тут я пристально взглянула ему в глаза: – Видишь, как я тебя люблю?

Тогда я и не подозревала, что эти слова вернутся и начнут преследовать меня. Но они вернулись. От волнения в преддверии разговора с Лео я не могу заснуть. Он, наверное, удивился, что я так и не перезвонила; а может, заснул прежде, чем понял это. Вспомнив, что Джинни звонила несколько раз, я нашариваю на полу телефон и отправляю ей сообщение, чтобы она не волновалась: «Лео знал об убийстве, Бен ему рассказывал. Я у Евы и Уилла, в соседнем доме. Позвоню тебе завтра. Целую».

Прогнать мысли о Лео мне удастся, но вместо них приходят мысли о Нине Максвелл. Очень трудно прекратить думать о том, что ей пришлось вынести, однако мне все же удается переключиться с ее смерти на ее жизнь, и я засыпаю, размышляя о том, какой она была.

Прошлое

– Как вы? – спрашиваю я с улыбкой. Она пришла в восьмой раз, и у нас явный прогресс.
– Хорошо, – отвечает она. – Я ко всему отношусь намного позитивней.

Она сегодня и правда очень расслаблена. До четвертой встречи включительно она продолжала ходить в строгих юбках и блузках. А сегодня на ней плиссированная юбка чуть выше колен. Волосы, как обычно, стянуты в хвост, однако, судя по всему, скоро я увижу их распущенными.

– Прекрасно, – отвечаю я. – Я так понимаю, вы хорошо провели эти две недели?

– Да. – Она поднимает руку и снимает резинку с волос. – Я много думала насчет того, о чем мы говорили в последний раз, – произносит она, покачивая головой, чтобы освобожденные волосы рассыпались по плечам.

Я одобрительно киваю. Потребовалось много времени, однако на последней встрече она наконец признала, что корень всех ее проблем – в муже и, если она хочет создать внутри себя личное пространство, чтобы двигаться вперед, им придется расстаться. Жду продолжения рассказа, но она молчит.

– Вы собирались поговорить с мужем, – подсказываю я, не дождавшись. – Вы чувствуете себя лучше благодаря этому разговору?

Она кивает.

– Мы долго говорили, и я кое-что поняла. Причина моего несчастья – не он.

Я подавляю вздох. Не следует показывать свое разочарование, но оно тут. Я придвигаю к себе блокнот.

– Во время последней встречи вы пришли к выводу, что как раз он, – отвечаю я, заглянув в записи, и после паузы прибавляю: – И тогда же решили оставить его.

– Знаю, но теперь все по-другому. Я больше не чувствую себя несчастной. Я даже думаю, что на самом деле никогда и не была несчастна.

Солнце сегодня яркое, хотя на улице холодно, и проникающие через жалюзи лучи разделяют ее лицо на ровные прямоугольники.

– Думаю, нужно осмыслить причину такой перемены.

– Наверное, я просто вернулась к себе, – улыбается она. – И я должна вас благодарить за это.

– Правда?

– Да. Вы говорили, что честность – лучший метод, и я рассказала Дэниелу, что я чувствую. Не стала говорить, что хочу уйти от него, а сказала, что несчастна. А он сказал: я не несчастна, просто мне скучно. И я поняла, что он прав. – Она теревит крошечную серебряную букву J, которая свешивается с браслета ее «Омеги» белого золота. – Я никогда не задумывалась насчет работы: денег мне хватает. И из-за этого у меня слишком много свободного времени. Чтобы думать, замыкаться на себе. А мне нужно смотреть на других, направлять свою энергию на помощь им. И Дэниел предложил мне заняться волонтерством и уже посоветовал пару организаций. – Она смеется. – Я же говорила, он потрясающий!

– Да, это большой прогресс, – улыбаюсь я.

– Думаю, теперь можно прекратить наши встречи, – говорит она. – Я чувствую себя виноватой, что не рассказывала о них Дэниелу. Мне кажется, продолжать уже незачем. Но, с другой стороны, страшно все испортить такой резкой отменой. – Она с беспокойством поглядывает на меня: – А вы как думаете?

– Я думаю, что несколько сеансов с расслабляющими процедурами, о которых мы говорили на первой встрече, – хороший способ мягко выйти из терапии. Как вы считаете, вам бы это подошло?

Она радостно кивает:

– Определенно. Расслабляющие процедуры – это Дэниел как раз поймет.

– Прекрасно. – Ненавижу терять клиентов, когда в них уже вложено столько труда.

Поглядев на часы, встаю. – У нас как раз есть время, если хотите.

Глава 12

– Оставайся сколько нужно, – говорит Уилл на следующее утро, забирая свою тарелку и кофейную чашку с барной стойки и загружая их в посудомойку. – Просто закрывай дверь, когда уходишь.

– Спасибо, – благодарю я.

– Мы вместе выходим, Ева? – спрашивает он, заправляя в джинсы рубашку, которая за завтраком была навывпуск. – А то мне уже пора.

Ева, соскользнув с табурета, с тревогой смотрит на меня:

– Ты уверена, что мне не надо отменить встречу с мамой? Она поймет.

– Нет, все в порядке, я должна подумать о том, что сказать Лео.

– Тогда да, Уилл, я иду с тобой. – Она коротко обнимает меня. – Если я понадобится, просто позвони. Мой номер у тебя есть.

– И вечером сегодня мы оба дома, – прибавляет Уилл, подхватывая свой рюкзак.

– Спасибо вам. Вы такие добрые.

Ева нерешительно топчется на месте.

– Ты справишься?

– Да, все будет хорошо. У меня есть работа.

Однако я слишком взвинчена, чтобы сосредоточиться на книге. Уязвлена. Растеряна. Если Лео врал и мне, и про меня, то что еще он от меня скрывает? Мне мало что известно о его прежней жизни. Я знаю, что в восемнадцать лет он ушел из дома из-за напряженных отношений с родителями и перебивался случайными заработками, пока не осознал, что образование может решить его проблемы. И он старательно учился, потом работал в двух инвестиционных компаниях, а затем уже стал менеджером по управлению рисками.

Нужно чем-то заняться. Я открываю ноутбук, потом достаю визитку, которую Ева передала мне вчера вечером, когда мы с ней пришли ко мне домой. Держу ее, крепко зажав края. На ней черными буквами вытиснено: «ТОМАС ГРЕЙНДЖЕР». Набираю в поисковике: «Томас Грейнджер, частный детектив». Хочу посмотреть, настоящий ли он. К моему удивлению, да; у него профессиональный сайт с неброским дизайном и офис в Уимблдоне. Я сохраняю в телефоне адрес сайта. И с новым воодушевлением принимаюсь за поиски информации об убийстве Нины Максвелл. Хочу узнать все, что есть на эту тему, хотя не очень понимаю зачем. Возможно, это подсказка подсознания: мне станет лучше, когда я узнаю все факты. Когда почувствую, что все под контролем, а не наоборот.

Я читаю статью за статьей, делаю заметки, но почти ничего нового не узнаю. Нину убили примерно в 21:00. Ее муж набрал 999 около 21:20 и сказал, что пришел с работы и обнаружил ее мертвой в спальне.

Желудок сжимается, едва я вспоминаю, как Лео настаивал на объединении двух спален в одну. «Хочется тут что-то поменять», – сказал он. Еще бы тебе не хотелось, возмущенно думаю я. Чтобы потом я, когда наконец узнаю об убийстве, не имела права психовать, что мы спим в той самой спальне, ведь де-факто спальня будет уже *не та*. Хотя на самом деле – все та же.

Согласно одной из самых подробных статей, в спальне происходила борьба, Нина Максвелл героически сопротивлялась, пока не потеряла сознание, и ее привязали к стулу поясами от банных халатов – ее и мужа. Насколько я могу понять, все указывает на то, что убийца – муж.

Приходит сообщение: «Надеюсь быть дома к семи. Сегодня вечером встреча ассоциации жителей, так что успею только наскоро поужинать. Жду не дождусь встречи. Чмоки».

Я пишу в ответ: «Напиши, когда проедешь Юстон».

Заметил он, что я не прибавила в конце «чмоки»? Когда Лео без четверти семь пишет из Юстона, я набираюсь смелости, беру ноутбук, книгу и сумку и иду домой.

Домой. «Сейчас это мой дом», – напоминаю я себе, вставляя ключ в замок. За несколько недель, прожитых здесь, я превратила его в наш дом, мой и Лео. Что будет, если я не смогу в нем остаться?

Стоя в холле, пытаюсь представить, как хорошо в этом доме жилось Нине Максвелл. А как иначе? У нее были друзья и, как утверждает Ева, симпатичный муж. Вот только он в итоге ее убил. Судя по фотографиям и по рассказам свидетелей, которые я видела в Сети, он не выглядел человеком, способным на убийство. А кто выглядит?

Полная решимости думать о них как о Нине и Оливере, а не жертве и преступнике, я иду по дому и рисую картины их совместной жизни, взяв за основу воспоминания о своей сестре и ее парне. Я представляю их на кухне – болтают и готовят ужин; на диване в гостиной – смотрят кино, Нина кладет ноги ему на колени. Все было абсолютно нормально до тех пор, пока кошмар не изменил их жизни навсегда. Как и в случае с моей сестрой.

Сосредоточившись на Нине и Оливере, я кое-как справляюсь с тревогой, сжимавшей мне сердце со вчерашнего вечера. Желая проверить себя, направляюсь к лестнице. На верхней площадке я чувствую себя нормально; в гостевой спальне тоже. Но, открыв дверь на другой стороне площадки и заглянув в нашу спальню, я вижу лишь то, что все это время пыталась прогнать из головы: безжизненное тело Нины, привязанное к стулу, и рассыпанные по полу светлые волосы. Картинка настолько реальна, что у меня перехватывает дыхание. Захлопнув дверь, бросаюсь вниз по лестнице, пошатываясь и цепляясь за перила. Лео будет с минуты на минуту; я спешу на кухню, к крану, и, плеснув водой себе в лицо, сажусь за стол в ожидании. Каково это – жить в доме, где убили женщину?

Долго ждать не пришлось. Я слышу, как Лео поворачивает ключ в замке, как идет через холл, как со стуком бросает сумку на пол.

– Я дома!

Я слышу все: шорох материи, когда он сбрасывает с плеч пиджак; звон монет в кармане, когда он вешает пиджак на столбик в конце лестничных перил; легкий удар галстука по рубашке, когда он ослабляет узел; вздох, с которым он освобождает шею.

– Элис, где ты? – зовет он.

Я не могу увидеть, как он хмурится, не получив ответа, – могу лишь представить. Он идет через холл и появляется в кухне, в уличных туфлях и с озабоченным лицом, которое при виде меня, сидящей за столом, мгновенно разглаживается.

– Вот ты где, – говорит он, и в его голосе слышится улыбка. Он наклоняется поцеловать меня, я уворачиваюсь. – Что такое? – спрашивает он тревожно.

– Кто ты, Лео?

Кровь мгновенно отливает от его лица, и я уже порываюсь вскочить и усадить его, однако остаюсь на месте и бесстрастно наблюдаю, как он хватается за спинку стула и тяжело облачивается на него, отчаянно пытаюсь вернуть самообладание.

– Как ты мог? Как ты мог скрывать от меня нечто настолько... настолько ужасное, кошмарное? – говорю я, сердясь, что не могу найти других слов, кроме «ужасное» и «кошмарное», для произошедшего наверху. – Как ты мог надеяться, что я не узнаю?

– Кто тебе сказал? – спрашивает он так тихо, что я с трудом его слышу.

– Соседи. – Мне все равно, что это неправда. Я расскажу ему про Томаса Грейнджера, когда разберусь в его обмане до конца.

Он поднимает на меня глаза; сквозь муку на его лице пробивается изумление.

– *Соседи* сказали?

Я выдерживаю его взгляд:

– Да.

– Но... – Он проводит рукой по волосам, продолжая другой держаться за стул. – Кто именно?

– Какая разница? – нетерпеливо отвечаю я. – Как ты мог врать мне, Лео?

– Я... я... – Он чуть не плачет, и я пугаюсь и немного смущаюсь. Наверное, он очень боялся, что я узнаю. Но я не могу простить его; не сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.